

Виктор Алевветдинов

Голос Карасса

Пять ключей Корселуна

— Книга 2 —

Мрачная космическая фантастика

Виктор Алеветдинов

Книга 2. Пять ключей

Корселуна. Голос Карасса

<https://litres.ru/74005043>

SelfPub; 2026

Аннотация

После событий на Нивендре Ария Целестина Синен больше не может скрываться от прошлого. Древний Ключ имени уже признал её, но теперь пробуждается новая сила — Голос Карасса.

Карасс считается мёртвым сектором. Оттуда не возвращаются корабли, а правду о погибших давно спрятали в закрытых архивах. Но однажды из тишины приходит сигнал, обращённый к Арии: она не наследница, а должница.

Чтобы понять, кто зовёт её из мёртвого сектора, Арии, Дариусу Харрану, Лейле Тран и Лире Вехн придётся пройти через политические интриги, ложные приказы, старые военные тайны и голоса тех, кого вычеркнули из истории.

Кто имеет право говорить от имени погибших? И сможет ли Ария открыть второй ключ, не потеряв себя?

«Голос Карасса» — вторая книга фантастического цикла «Пять ключей Корселуна».

Содержание

Часть I. Фронт без карты	4
Глава 1. Сигнал из закрытого сектора	4
Глава 2. Приказ о тишине	19
Глава 3. Передача, которой не было	37
Глава 4. Адмирал Рут принимает командование	51
Глава 5. Пепельный проводник Ардина	67
Глава 6. Карассово сияние	83
Глава 7. Нейтральная экспертиза	100
Глава 8. Первый бой у мёртвого буя	115
Часть II. Мёртвые каналы	134
Глава 9. Запретный зов	134
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Виктор Алевветдинов

Книга 2. Пять ключей

Корселуна. Голос Карасса

Часть I. Фронт без карты

Глава 1. Сигнал из закрытого сектора

Переход к Омбрису начался с обычной мелкой поломки. На третьей палубе заело шлюз служебного лифта, и техник сорок минут доказывал корабельной системе, что он не грузовой контейнер. Система упорно требовала подтвердить его статус и снова предлагала отправить техника на склад.

Ария слушала переговоры через открытый внутренний канал и впервые за утро почти улыбнулась.

— Он сейчас её уговорит или женится на ней, — сказал Дариус, не отрываясь от карты перехода.

— На системе?

— На шлюзе. У них уже серьезнее, чем у половины политических союзов Люмира.

Ария посмотрела на него. Дариус стоял у навигационного стола в простой тёмной форме без парадных знаков. Толь-

ко узкая серебряная пластина на ворота выдавала командный доступ. После Нивендры он стал меньше говорить при посторонних и чаще проверять маршруты сам. Он проверял каждый гиперузел так, будто маршрут мог оказаться ловушкой.

На карте светился Омбрис. На схемах он выглядел спокойным нейтральным узлом, но Ария уже знала цену такой тишины: за каждым шлюзом там считали чужие шаги и держали охрану рядом. Их вели туда за одним ответом. Ария Синен должна была доказать, что её имя не означает возвращение империи.

Ей уже надоело объяснять.

На экране рядом с картой горела строка допуска:

АРИЯ ЦЕЛЕСТИНА СИНЕН. ДОМОВАЯ НАСЛЕДНИЦА. УРОВЕНЬ ДОСТУПА ОГРАНИЧЕН. ФАКТОР НАБЛЮДЕНИЯ.

Последняя строчка нравилась ей меньше всего. Строчка превращала её не в человека, а в служебную метку: «фактор Арии».

— Попроси их убрать это слово, — сказала она.

Дариус взглянул на экран.

— Какое?

— Фактор.

— Могу попросить. Они заменят на «объект».

— Очень заботливо.

— Тогда на «лицо повышенной значимости».

— После этого я лично выйду в коридор и стану грузовым контейнером. Пусть меня отправят на склад.

Дариус наконец улыбнулся, но улыбка быстро ушла. Он коснулся края карты, увеличил внешний контур маршрута. Три люмирских корабля сопровождения держали строй за их фрегатом. Ещё два судна шли на соседнем кольцепути: гражданский транспорт из независимой системы Тавир и медицинская баржа под нейтральным знаком Омбриса.

— Держимся общего коридора ещё двадцать минут, — сказал Дариус. — Потом войдём в тень кольца и выйдем у доков.

— Ты говоришь так, будто ждёшь засаду.

— Я всегда говорю так, когда не хочу её получить.

Ария подошла ближе. Поверхность навигационного стола отозвалась слабым теплом. После открытия Ключа имени техника Дома Синен она начала узнавать её быстро. Людям требовались документы и комиссии. Старые системы просто слышали её.

— Омбрис нейтрален, — сказала она.

— Нейтральные узлы живут за счёт того, что все нарушают нейтралитет очень аккуратно.

— Дариус.

— Да?

— Я не хрустальный архив. Меня не надо перевозить между системами с таким лицом.

Он убрал руку с карты. В рубке шумели двигатель, реле и

голоса офицеров, но вокруг них будто оставалось закрытое место. Люди старались не слушать и всё равно слушали.

— Я знаю, — сказал он. — Но после Нивендры у нас новый уровень риска.

— После Нивендры у нас новый уровень чужой паники.

— И это тоже.

Ария хотела ответить, но в этот момент Голоссеть хрипнула.

Голоссеть не отключилась. Она хрипнула, как живой канал после долгого молчания.

Сначала в рубке решили, что это помеха на переходе. Офицер связи подняла руку, требуя тишины. Навигационный стол мигнул серым. На боковых экранах побежали строки самопроверки.

— Источник? — спросил Дариус.

— Не наш канал, генерал. Внешняя сетка. Сейчас отрежу.

Офицер связи коснулась панели, но звук не исчез. Он стал тише, потом глубже. В нём появилась дальняя дрожь, похожая на металл под огнём.

Ария застыла.

— Канал закрыть, — повторил Дариус.

— Не закрывается. Он идёт через Голоссеть.

Рубка стихла. Даже техник на третьей палубе замолчал вместе со своим шлюзом.

На главном экране вместо маршрута Омбриса проступили помехи. Серые полосы складывались в кривую схему чужого

борта. Часть данных была сожжена, часть обрезана. Потом появилась метка источника:

СЕКТОР КАРАССА. ЗАКРЫТЫЙ КОНТУР. МЁРТВЫЙ КАНАЛ.

В рубке тихо выругались.

Ария знала это название. Карасс. Карасс: умирающий тёмный светоч, место старых боёв и закрытых архивов. Красивые слова для места, откуда не возвращались целые экипажи.

— Карасс запечатан, — сказал старший навигатор. — Оттуда не может идти сигнал.

— Скажите это сигналу, — ответила офицер связи и побледнела.

Помехи сжались. Голос стал чётче. Мужской, сорванный.

— ...борт «Селлар-Восемь». Капитан Ирен Тав. Передача в слепой архив. Если канал проснулся, значит, нас всё-таки нашли. Повторяю: не открывайте внешний ретранслятор. Не верьте первому приказу. Приказ пришёл после нашей смерти.

В рубке никто не двигался.

Дариус резко повернулся к офицеру связи.

— Локализовать. Запись или прямой отклик?

— Не могу понять. Метка времени рваная. Она прыгает.

— По какому диапазону?

— По всем.

Голос хрипнул. За ним прорезался второй шум: корот-

кие команды, детский плач, стук аварийной заслонки. Потом опять капитан.

— Дом Синен должен ответить. Не трон и не флот и не архивисты. Тот, кто носит имя.

Ария почувствовала, как у неё похолодели пальцы. Она смотрела на экран и не могла отвести взгляд. Её имя там ещё не появилось, но тело уже знало, куда ударит следующая фраза.

Дариус тоже понял.

— Отрезать рубку от общего канала, — приказал он. — Все внешние записи в карантин. Медицинский контур подготовить.

— Поздно, — сказала офицер связи. — Сигнал ушёл на соседние корабли. Гражданский транспорт тоже принял фрагмент.

— Сколько?

— Не знаю. Канал распался на копии.

Голос капитана стал ближе. Теперь он звучал не из динамиков. Он будто стоял рядом с Арией, у самого плеча, и говорил только ей:

— Она не наследница. Она должница.

Экран погас.

Но фраза не ушла.

Ария сделала вдох и вдруг вдохнула чужим горлом. Не воздух рубки, а дым и не спокойный гул фрегата, а вой пробитого отсека. Перед глазами на миг вспыхнула чужая ла-

донь на панели: широкая, с ожогом по костяшкам. Эта рука вбивала код аварийной записи. За дверью стучали и просили открыть. Капитан не открывал, потому что за дверью уже не было давления. Если открыть, погибнут те, кто ещё жив в центральном отсеке.

Ария знала это не умом. Она была там.

— Ария.

Голос Дариуса донёлся будто через воду.

Она хотела ответить, но из горла вышел чужой шёпот:

— Не открывайте третий шлюз.

Офицер у навигационного стола отшатнулся.

Дариус подошёл к ней. Не резко, чтобы не испугать, но быстро. Положил ладонь ей на плечо. Тепло его руки вернуло рубку на место. Карты, люди, свет панелей, чёрная линия перехода к Омбрису.

— Смотри на меня, — сказал он. — Где ты?

Ария моргнула. Перед глазами всё ещё дрожала аварийная панель.

— На фрегате.

— Название?

Она хотела сказать, но на секунду в голове всплыло другое: «Селлар-Восемь». Чужой корабль. Чужая смерть. Чужая команда.

Дариус сжал её плечо.

— Название нашего корабля, Ария.

— «Рубежный». Мы на «Рубежном».

— Хорошо. Кто я?

Она посмотрела на него и вдруг испугалась, что не вспомнит. Лицо было знакомым. Линия рта, усталые глаза, шрам у виска, который он всегда называл «подарком плохой навигации». Имя задержалось на краю памяти, как файл с повреждённым доступом.

Дариус не торопил.

— Дариус, — сказала она наконец.

— Хорошо.

— Не говори так, будто я только что сдала экзамен на собственную жизнь.

— Ты почти сдала.

— Плохой был экзамен.

— Согласен.

В другой ситуации она бы усмехнулась. Сейчас губы не слушались.

Офицер связи подняла новый экран.

— Генерал, Люмира прислала аварийный протокол. Требуем немедленно подтвердить приём и стереть все копии сигнала.

— Не стирать, — сказала Ария.

В рубке снова стало тихо.

Дариус посмотрел на неё уже иначе. Не как на раненую, а как на человека, который вмешался в приказ.

— Ария.

— Я слышала капитана. Там была запись. Не помеха.

— Именно поэтому её нельзя трогать без проверки.

— Проверка у Люмира означает: закрыть, засекретить и потом три года объяснять, что нам показалось.

Офицер связи осторожно кашлянула. Вид у неё был такой, будто она очень хочет стать вторым грузовым контейнером и тоже уехать на склад.

— Федеральный протокол требует уничтожать несанкционированные голоссетевые фрагменты из закрытых зон, — сказала она. — Особенно если фрагмент содержит обращения к Дому Синен.

— Он не обращался к Дому, — ответила Ария. — Он обращался ко мне.

Слова вышли спокойнее, чем она ожидала. Даже спокойно. От этого Дариус нахмурился сильнее.

— Нам надо понять, кто ещё слышал фразу, — сказал он.

— Я уже собираю отчёты, — отозвалась офицер связи. — Соседний транспорт принял только обрывок. Медицинская баржа получила почти полный фрагмент. Один из кораблей сопровождения сообщает о кратком резонансе у навигатора.

— Пострадавшие?

— Навигатор забыл свой личный код. Уже вспомнил. Медики с ним.

— А гражданские?

Офицер замялась.

— На транспорте паника на нижней палубе. Там люди из бывших карассовых систем. На нижней палубе узнали назва-

ние «Селлар-Восемь».

Ария закрыла глаза на секунду. Чужая рука опять хлопнула по панели. «Не открывайте третий шлюз». Она сжала пальцы, чтобы не повторить вслух.

— Сколько до Омбриса? — спросил Дариус.

— Семнадцать минут до тени кольца.

— Каналы наружу?

— Уже режут. Но гражданский транспорт просит открытого сообщения. Они хотят знать, почему их сеть назвала Дом Синен.

Дариус коротко выдохнул.

— Конечно хотят.

Ария отошла от навигационного стола и поняла, что ноги держат хуже обычного. Дариус сделал движение к ней. Она подняла руку.

— Не надо.

— Ты едва стоишь.

— Я стою достаточно, чтобы не быть изолированной.

— Никто тебя не изолирует.

— Пока.

Дариус не ответил. И это было хуже спора.

На личном экране Арии мигнул входящий пакет. Без подписи, с красной меткой федерального уровня. Такие пакеты не спрашивали разрешения, они появлялись и делали вид, что уже имеют право на твоё время.

Она открыла.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ.

В связи с несанкционированным голоссетевым контактом из закрытого сектора Карасса носитель синенского доступа Ария Целестина Синен временно переводится в статус наблюдаемого риска. До распоряжения Комитета безопасности запрещается самостоятельный вход в Голоссеть, публичные заявления, несанкционированные переговоры с представителями Ардина, Вейрана, Ордена Белой Зари и независимых систем.

Ария прочитала дважды. Потом подняла экран так, чтобы Дариус увидел.

— Быстро работают.

Он прочитал пакет, не касаясь экрана.

— Это автоматическая реакция.

— Автоматическая реакция, в которой перечислены все, с кем я могла бы поговорить. Очень талантливый автомат.

— Комитет давно готовил шаблон на случай голоссетевого инцидента.

— На случай меня.

Дариус молчал.

— Скажи честно, — попросила Ария. — У них был такой протокол до сигнала?

— Я не знаю.

— Но предполагаешь.

— Да.

Она кивнула. В груди росла злость. Не яркая, не горячая.

Другая — ровная, неприятная, рабочая. Та, с которой подписывают отказ подчиняться.

На общем канале вспыхнул запрос от медицинской баржи.

— Генерал, баржа просит разрешить передачу пострадавших данных на омбрисский нейтральный архив, — доложила офицер связи. — Они боятся, что Люмира принудит их стереть запись.

— Кто командир баржи?

— Старшая врач Мел Кайран. Нейтральная лицензия Омбриса, но корабль сейчас в нашем коридоре.

Дариус посмотрел на Арию.

— Если запись сотрут, — сказала она, — мы потеряем первый чистый след.

— Если запись уйдёт в нейтральный архив без проверки, через час запись растащат все стороны. Вейран купит, Ардин вырежет нужное, Люмира объявит подделкой.

— Хорошо. Тогда не позволяй.

— Это не ответ.

— Ответ. Открой защищённый тройной контур. Мы, баржа и омбрисский архив. Без публичной выдачи. Без стирания.

Офицер связи подняла глаза на Дариуса. Решение было его. Формально — только его. Ария уже видела, как он считает последствия: приказ, дисциплина, Комитет, её статус, гражданские корабли, возможная подделка.

— Делайте, — сказал он.

— Генерал, федеральный протокол...

— Я знаю протокол.

— Подтвердить письменно?

— Подтверждаю голосом. Запись сохранить. Если потом решат, что у меня плохая память, пусть послушает дважды.

Офицер связи почти улыбнулась, но вовремя вспомнила, что вокруг кризис.

— Есть.

Ария тихо сказала:

— Спасибо.

— Рано благодарить. Через пять минут меня начнут ругать люди, которые считают, что спасают миры хорошей папкой с запретами.

— Люмира сначала согласует пожар, а потом спросит, кто разрешил дыму распространяться.

Дариус посмотрел на неё с коротким удивлением.

— Это от Лейлы?

— Нет. Это я начинаю учиться.

В рубке зазвучали голоса. Офицеры тянули каналы, проверяли копии, сверяли метки. Корабль жил, и это помогало. Пока вокруг работали люди, страх не мог занять всё место.

Ария подошла к боковому иллюминатору. За стеклом тянулась кольцевая тень. Звёзды здесь выглядели не точками, а короткими царапинами света, будто по пространству провели грубым инструментом. До Омбриса оставалось немного. Там их ждали залы, протоколы, закрытые встречи и те,

кто уже решал, что делать с наследницей Синен.

А где-то далеко, за запечатанными маршрутами, Карасс ответил голосом мёртвого капитана.

Должница.

Слово не звучало как оскорбление. Оно было хуже. Оно требовало счёта.

— Ария, — позвал Дариус.

Она обернулась.

На его лице было то выражение, которое она уже успела выучить: плохие новости пришли не одни, а в сопровождении ещё более плохих.

— Что?

Офицер связи вывела на главный экран новый пакет. Теперь без обычного люмирского оформления. Чёрный фон, белая печать Комитета безопасности, короткая строка допуска.

— Федеральный протокол изменён, — сказала она.

Ария медленно подошла к столу. В рубке все смотрели на экран.

СЕКТОР КАРАССА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПОЛНОСТЬЮ ЗАКРЫТЫМ. ВСЕ ГОЛОССЕТЕВЫЕ ФРАГМЕНТЫ ИЗ СЕКТОРА ПОДЛЕЖАТ КАРАНТИНУ. НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРИРАВНИВАЕТСЯ К САБОТАЖУ.

Ниже появилась вторая строка.

АРИЯ ЦЕЛЕСТИНА СИНЕН КЛАССИФИЦИРУЕТСЯ

КАК ФАКТОР РИСКА ПЕРВОГО УРОВНЯ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОВЕРКИ ГОЛОССЕТЕВОГО КОНТАКТА.

Третья строка пришла с задержкой. Она была короче остальных.

ПРИ ПОПЫТКЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ВХОДА В ГОЛОССЕТЬ — ОСТАНОВИТЬ.

Глава 2. Приказ о тишине

Дариуса вызвали в штаб раньше, чем «Рубежный» успел встать в омбрисский док. Корабль ещё шёл в кольцевой тени, когда личный канал выдал сигнал Комитета безопасности.

Он прочитал сообщение дважды. Потом выключил экран и несколько секунд смотрел на своё отражение в тёмном стекле каюты. Лицо было спокойное. Это всегда помогало людям вокруг. Они видели генерала, который знает, что делает.

Дверь каюты открылась без сигнала.

— Уже зовут?

— Уже.

— Быстро. Они даже паникуют по расписанию.

— Комитет не паникует. Он оформляет тревогу документально.

— Ты идёшь один? — спросила она.

— Да.

— Потому что я фактор риска?

— Потому что тебя пока не должны видеть люди, которые уже решили, что с тобой делать.

— Замечательно. То есть я не фактор. Я удобный повод для совещания.

Дариус снял со стола пластину командного допуска и закрепил на рукаве.

— Ты хочешь услышать честный ответ?

— От тебя — да.

— Для них сейчас ты не человек. Ты дверь, которая внезапно открылась не туда.

— А для тебя? — спросила она.

Вопрос был тихий, почти ровный. Но Дариус знал, что за ним стоит.

Он подошёл ближе.

— Для меня ты человек, который имеет право сам решать, через какую дверь входить.

— Красиво сказал.

— Сам удивился.

— Только они попросят тебя закрыть эту дверь.

— Уже попросили.

Она подняла глаза.

— В первом пакете?

— В первом пакете было предупреждение. Сейчас будет приказ.

Ария кивнула так, будто ждала именно этого.

— Не обещай им за меня.

— Я не имею права.

— Они скажут, что имеешь. Они будут давить должностью, флотом и безопасностью — всеми приличными словами, которые потом становятся стеной.

Дариус хотел ответить, но канал на рукаве мигнул повторно. Вызов стал настойчивее. Комитет умел давить даже че-

рез беззвучный знак.

Ария посмотрела на сигнал.

— Иди. И не делай вид, что всё нормально, когда вернёшься. У тебя это получается хуже, чем командовать гражданским банкетом.

— Я ни разу не командовал банкетом.

— Поэтому и хуже.

Он всё-таки улыбнулся. На секунду стало легче.

— Оставайся на «Рубежном». Без внешних каналов.

— Это просьба или приказ?

— Просьба.

— Тогда ладно.

Он уже направился к двери, когда она сказала:

— Дариус.

Он обернулся.

— Если они прикажут меня закрыть, не называй это защитой.

Дариус встретил её взгляд.

— Не назову.

Штаб Люмира занимал верхний уровень омбрисского военного сектора. Формально это было временное представительство при нейтральном узле. По факту — хорошо спрятанная крепость с мягкими креслами, вежливыми дверями и охраной, которая не поднимала оружие, потому что датчики уже сделали это за неё.

— У вас новый уровень проверки, — сказал он офицеру

у шлюза.

Офицер не моргнул.

— После карассового инцидента все голосовые допуски считаются условно ненадёжными.

— Разумно. Теперь враг не сможет проникнуть сюда, пока не умрёт от скуки.

Офицер хотел сохранить строгое лицо, но уголок рта всё же дрогнул.

— Проходите, генерал.

Куратор Вос поднялся навстречу. Движение вышло приветливым, голос — почти тёплым.

— Генерал Харран. Благодарю за оперативность.

— В вашем сообщении не было места для медлительности.

— Ситуация требует ясности.

— Тогда начнём с ясности, — сказал он. — Кто знал о возможном сигнале из Карасса до того, как он пришёл?

Вос не сел. Несколько секунд он смотрел на Дариуса с тем самым спокойствием, которое чиновники называют выдержкой, а военные — хорошей бронёй.

— Вы начинаете с обвинения.

— Я начинаю с времени. Протокол по Арии Синен пришёл слишком быстро.

— Автоматическая реакция системы.

— Система не пишет политически удобные формулировки сама. Её кто-то готовит.

Из размытой проекции донёлся голос без интонации:

— Генерал, вы здесь не для допроса Комитета.

— Тогда зачем?

На экране открылся документ. Дата первичной сборки была на трое суток раньше сигнала.

Дариус не изменился в лице.

— Комитет вводит временный режим безопасности, — сказал Вос. — Ария Целестина Синен должна быть изолирована от прямого контакта с Голоссетью до завершения проверки.

— Определите «изолирована».

— Медицинский контур, защищённая каюта, запрет на внешние каналы. Без физического принуждения, если она сотрудничает.

— А если не сотрудничает?

Женщина из архивного надзора впервые подняла глаза.

— Носитель синенского доступа не может свободно взаимодействовать с закрытым сектором Карасса. Это угроза стабильности.

— Она не взаимодействовала. Сигнал пришёл сам.

— Мы не знаем, сам ли.

Дариус медленно повернул к ней голову.

— Вы предполагаете, что Ария вызвала мёртвый канал?

— Я предполагаю, что Дом Синен оставил больше механизмов, чем признал после падения.

— Ария выросла под чужим именем и узнала своё проис-

хождение недавно.

— Именно поэтому она опасна. Она может активировать то, чего не понимает.

Фраза была слишком гладкой, почти заботливой.

Дариус сложил руки на столе.

— В секторе Карасса погибали экипажи. Сегодня один из них вышел на связь. Вместо того чтобы понять, кто и почему заговорил, вы хотите запереть единственного человека, к которому этот голос обратился.

— Мы хотим предотвратить панику.

— Паника уже началась на гражданском транспорте. Её не остановить тем, что вы объявите запись несуществующей.

— Паника убивает быстрее флота, генерал.

— Иногда. Но ложь хорошо умеет держать дверь открытой для следующей войны.

Вос подвинул документ к нему.

— Нам нужен ваш официальный рапорт. Ария Синен после контакта с сигналом произнесла фразу, которой не было в записи.

— Да.

— Она временно потеряла ориентацию.

— На несколько секунд.

— Она назвала себя капитаном погибшего корабля?

— Нет.

— Но дала команду из чужой памяти.

Дариус сжал пальцы. Очень медленно. Так, чтобы никто

не увидел злости.

— Она повторила фразу, связанную с аварийной ситуацией. Это признак голосного отката, а не доказательство угрозы.

— Вы врач?

— Я командир, который видел последствия Артексильовых срывов чаще, чем ваши специалисты видели настоящую палубу после пробития щита.

Женщина из архивного надзора поджала губы.

— Резкость не изменит фактов.

— Тогда покажите факты.

Вос провёл рукой над столом. На центральном экране открылся фрагмент записи. Хрип капитана заполнил зал. Дариус уже слышал это в рубке, но здесь, в стерильном белом помещении, голос звучал ещё хуже. Он не принадлежал этому месту.

«Она не наследница. Она должника».

Запись оборвалась.

Вос выключил звук.

— Эта фраза уже гуляет по закрытым военным каналам. Её слышали на медицинской барже. Её частично принял гражданский транспорт. Один из независимых капитанов отправил запрос Омбрису. Через час версия попадёт к Ардину. Через два — к Вейрану. Через три кто-нибудь объявит Арию Синен голосом Карасса, а кто-нибудь другой потребует её выдачи.

— Значит, вам нужен не мой рапорт. Вам нужен мой контроль над ней.

— Нам нужна ваша помощь.

— Ваша помощь обычно приходит с браслетом слежения. Размытая проекция снова заговорила:

— Не драматизируйте. Речь о временной мере.

Дариус посмотрел на пятно вместо лица.

— Назовите себя.

— Мой статус подтверждён.

— Я не разговариваю с пятном.

Вос резко поднял руку.

— Генерал.

— Нет. Вы требуете изолировать человека с древним доступом — сразу после удара из мёртвого канала. Вы хотите, чтобы я подписал это своим именем. А кто-то в этом зале прячет своё.

Проекция погасла.

На этот раз пауза стала длиннее. Вос медленно убрал ладонь от панели.

— Хорошо, — сказал Вос тише. — Без проекции.

— Тогда говорим по существу.

— По существу сектор Карасса закрыт не просто так.

— Я это знаю.

— Не знаете. Вы знаете официальную версию. Бои у светоча, саботаж Ардина, гибель архивных буев, решение о запечатывании сектора. Этого достаточно для учебных курсов

и памятных речей.

— А для чего недостаточно?

Вос посмотрел на женщину из архивного надзора.

— Для понимания того, почему Голоссеть там не умерла. Дариус не перебил.

— Карасс не просто хранит старые записи, — сказал Вос. — Там остались мёртвые каналы. Они не передают сообщения обычным способом. Они цепляются за подходящий голосовой профиль. Иногда за память. Иногда за кровь. Иногда за вину.

— Вы знали, что канал может искать Арию.

— Мы знали, что после Ключа имени вероятность вырастет.

— Почему мне не сообщили? — спросил Дариус.

— Потому что вы отказались бы вести её к Омбрису.

— Верно.

— А Омбрис нужен. Там можно удержать политический контур.

— Вы использовали её как приманку.

— Мы использовали маршрут, который всё равно должен был состояться.

— Это красивее звучит только для тех, кто не стоял рядом с ней после отката.

— Генерал, Карасс может сорвать Дугу. Если голоса погибших начнут говорить без фильтра, старые войны проснутся в новых системах. У Ардина появится удобная

кровь на знамени. Вейран купит записи и продаст каждой стороне свою правду. Независимые миры решат, что Люмира десятилетиями скрывала от них имена погибших. И знаете что? Они будут частично правы.

Дариус молчал.

— Вы человек флота, — продолжил Вос. — Скажите честно. Если правда способна убить тысячи, вы дадите ей выйти сразу?

— Я не дам её стереть, — сказал он.

— Мы не просим стереть.

— Пока.

Женщина из архивного надзора подалась вперёд.

— Мы просим передать Арию под федеральный медицинский контроль. Доступ к ней будет ограничен. Общение с Голоссетью — запрещено. Все её слова после резонанса должны фиксироваться. Если она снова произнесёт фразу из Карасса, это станет материалом проверки.

— Она не лабораторный образец.

— Она носитель доступа.

— Она человек.

— Человек, через которого закрытый сектор обратился к живым.

Дариус встал, и зал стал другим. Военным аналитикам это не понравилось. Они привыкли спорить на картах, где корабли были значками, а люди — строками потерь.

— Приказ не обязан быть красивым, — сказал Дариус. —

Но он обязан оставлять живых. Ваш приказ делает вид, что защищает Арию. На деле он защищает вас от её вопросов.

Вос тоже поднялся.

— Вы отказываетесь?

— Я принимаю режим безопасности на «Рубежном». Ария остаётся под моей ответственностью. Медицинский контроль обеспечит наш врач. Голоссетевой контур будет закрыт до проверки записи. Все копии передаются в тройной архив с омбрисским заверением. Я лично командую переходом к внешнему коридору Карасса, если Комитет решит проводить разведку.

Женщина резко сказала:

— Вам не предлагали оперативное командование.

— Я знаю. Поэтому беру.

— Это превышение полномочий.

— Нет. Это предотвращение хаоса. Вы хотите держать Арию вдали от Карасса. Для этого нужен флот, который не рассыплется от первого мёртвого голоса. Мой флот уже слышал сигнал и не открыл огонь. Это хорошее начало.

Один из аналитиков тихо сказал:

— Формально генерал прав. Его корабли ближе всего к источнику инцидента. Передача командования другому сектору займёт время.

Женщина бросила на него такой взгляд, что он нашёл много важного на своём экране.

Вос долго смотрел на Дариуса. Потом спросил:

— Что вы хотите взамен?

— Полный доступ к первичной метке сигнала.

— Невозможно.

— Тогда я возвращаюсь на «Рубежный» и пишу рапорт, что Комитет скрывает данные от командующего на месте инцидента.

— Вы играете опасно.

— Нет. Я просто не люблю, когда мне дают карту с вырезанным куском и говорят, что дыра — это элемент безопасности.

Вос почти улыбнулся. Почти.

— Вам дадут урезанный доступ.

— Полный.

— Генерал.

— Полный.

ПРОГНОЗ ПРОБУЖДЕНИЯ КАРАССОВОГО КОНТУРА ПРИ АКТИВАЦИИ КЛЮЧА ИМЕНИ.

Дариус почувствовал, как в нём что-то стало холодным.

— Вы знали с момента Нивендры.

Вос не ответил.

— С момента, когда она получила имя, вы ожидали второй ключ.

— Мы ожидали угрозу.

— Удобное слово.

— Верное слово.

Дариус пролистнул документ. Большая часть была закры-

та. Но открытых строк хватило. В них не было мистики. Там были расчёты вероятности, графики паники, сценарии блокировки, оценка реакции Ардина и Вейрана. Ария в документе проходила как «носитель синенского доступа». Ни разу — по имени.

Он тихо сказал:

— Вы подвели её ближе к ловушке, потому что там удобнее ставить стены.

— Мы подвели её туда, где можно было снизить ущерб.

— Для кого?

Вос выдержал его взгляд.

— Для миров Дуги.

— Я не отдам её в закрытый контур, — сказал он.

— Тогда вы несёте ответственность за всё, что она сделает.

— Да.

— И за всё, что через неё скажет Карасс.

Дариус ответил не сразу.

— Нет. За это отвечают те, кто заставил Карасс молчать.

— Здесь нет строки о праве доступа к полному сигналу, — сказал он.

— Будет отдельным приложением.

— Сейчас.

Вос помедлил, потом добавил строку. Женщина из архива встала, но ничего не сказала. Её лицо стало каменным.

Дариус поставил подпись.

Поле вспыхнуло, приняло его имя и тут же выдало сопроводительный пакет.

Текст был короткий.

В случае самостоятельного входа Арии Целестины Синен в Голоссеть командующий кризисным контуром обязан прекратить контакт всеми доступными средствами.

Ниже стояла приписка без лишних слов.

Цена жизни носителя не является приоритетом выше безопасности сектора.

Дариус медленно поднял взгляд.

— Это убрать.

Вос не стал делать вид, что не понял.

— Не могу.

— Можете.

— Нет.

— Тогда моя подпись под основным приказом ничего не стоит.

— Стоит. Вы уже приняли командование.

— А это распоряжение я не принимаю.

Женщина из архивного надзора резко сказала:

— Это не требует вашего согласия.

Дариус повернулся к ней.

— Всё, что проходит через мои руки в боевой ситуации, требует хотя бы понимания. А я понимаю одно: вы заранее хотите разрешить мне убить Арию, если она станет неудобной.

— Если она станет каналом катастрофы.

— Вы даже сейчас не произносите её имя.

Женщина замолчала.

Вос забрал пластину со стола.

— Генерал, я не враг вам. И не враг ей. Но если Карасс начнёт говорить через Арию на общий канал, у вас не будет времени на философию.

— Тогда я буду действовать как командир.

— Командир обязан выбрать меньшее зло.

— Командир обязан сначала убедиться, что ему не подсунули чужое зло под видом меньшего.

Вос устал спорить. Это было видно. Он снял блокировку с двери.

— Распоряжение остаётся в силе. Официально вы получили его после принятия командования. Неофициально я советую вам сделать так, чтобы оно не понадобилось.

Дариус шагнул к выходу, но остановился.

— Ещё один вопрос.

Вос поднял глаза.

— Капитан Ирен Тав. «Селлар-Восемь». Он существовал?

Архивная женщина ответила слишком быстро:

— Данные требуют проверки.

Дариус посмотрел на Воса.

Тот молчал. Молчание сказало больше.

— Значит, существовал, — сказал Дариус. — И его стёр-

ли.

— Генерал, не делайте выводов из пауз.

— Я всю жизнь командую людьми по паузам. Они честнее отчётов.

Он вышел из зала без разрешения.

Коридор за дверью показался темнее, чем раньше. Дариус прошёл мимо охраны, и система попросила голосовое подтверждение.

— Проходите, генерал.

— Смелое решение.

— Я решил рискнуть карьерой ради ускорения федерального процесса.

— Берегите себя. С таким подходом вас назначат живым человеком.

Офицер всё-таки улыбнулся. На этот раз заметно.

У транспортного лифта Дариус открыл канал «Рубежно-го». Ответил старший помощник.

— Генерал, приказ получен. Комитет передал нам ваш новый статус. Медицинский контур готов. Ария в своей каюте. Внешних каналов не открывала.

— Она знает?

— О командовании — да. О втором распоряжении — нет. Оно пришло только вам.

Дариус закрыл глаза на секунду. Потом открыл.

— Никому его не пересылать.

— Есть.

— Подготовьте защищённый отсек не как камеру. Уберите охрану с двери. Поставьте пост на коридор, без демонстрации.

— Комитет требует визуального контроля.

— Комитет не на моём корабле.

— Есть.

— И найдите всё по «Селлар-Восемь». Даже слухи. Даже обрывки. Если архив пустой, ищите след от пустоты.

— Понял.

На личном канале мигнуло сообщение от Арии.

Ну что, меня уже официально положили в коробку с надписью «не трогать без допуска»?

Дариус посмотрел на текст и впервые за последние полчаса выдохнул почти нормально.

Он набрал ответ:

Пока только завернули в протокол. Коробку я не подписал.

Ответ пришёл сразу:

Прогресс. А бант был?

Он хотел написать что-нибудь лёгкое, но пальцы остановились. Второе распоряжение лежало в закрытом слое канала. Распоряжение лежало в закрытом слое канала — тихое, но неотменимое.

Если Ария войдёт в Голоссеть — остановить.

Любой ценой.

Дариус стёр набранную фразу и написал другое:

Возвращаюсь. Нам надо поговорить.

На этот раз ответа не было дольше. Потом экран выдал короткое:

Значит, всё плохо.

Лифт открылся на переходный рукав. До шлюза «Рубежного» оставалось несколько десятков шагов. Дариус шёл быстро, но не бегом. Бегут те, кто уже проиграл время. Дариус пока не собирался это признавать.

На личном канале мигнул новый пакет. Дариус открыл его прямо на ходу.

ДОПОЛНЕНИЕ К РАСПОРЯЖЕНИЮ. ПРИ ПОДТВЕРЖДЕНИИ ВТОРИЧНОГО РЕЗОНАНСА КАРАССА КОМАНДУЮЩИЙ ХАРРАН ОБЯЗАН ЛИЧНО ОБЕСПЕЧИТЬ ПРЕРЫВАНИЕ КОНТАКТА. ПРИКАЗ НЕ ПОДЛЕЖИТ ПЕРЕДАЧЕ НИЖЕ ПО ЦЕПИ.

Шлюз «Рубежного» раскрылся перед ним.

Дариус вошёл на борт и закрыл пакет, не удаляя. Теперь приказ был не о тишине. Теперь он был лично о нём.

Глава 3. Передача, которой не было

Лейла Тран нашла запрещённую передачу в месте, где нормальный человек не стал бы искать даже потерянный ботинок. Нижний док Омбриса держался на старых креплениях и упрямстве местных техников.

Приёмник был размером с дорожную кружку и грелся так, что на нём можно было готовить обед. Лейла уже пробовала.

На маленьком экране прыгали обрывки чужих переговоров. Портовые диспетчеры ругались с грузовыми пилотами. Один капитан требовал срочный ремонт гравиядра и уверял, что оно «грустит».

Лейла пропускала всё это через фильтр. Ей нужен был не шум дока. Ей нужен был след сигнала, который Люмира уже успела объявить несуществующим.

Лейла любила эту фразу.

Приёмник коротко пискнул.

На экране появилась рваная метка. Лейла наклонилась ближе. Сигнал был слабый, почти утонувший в портовом гуле. Обычный архивный фильтр выбросил бы его вместе с шумом.

— Ну же, — сказала она приёмнику. — Не будь красивым. Красивые записи обычно подделывают.

Аппарат зашипел. Потом выдал кусок чужого голоса:

— ...не открывайте внешний...

Фраза оборвалась.

Лейла замерла. За шкафом ретрансляции что-то щёлкнуло. С потолка посыпалась мелкая пыль, и она инстинктивно прикрыла экран ладонью. Две секунды ничего не происходило. Потом приёмник поймал обрывок.

— ...приказ пришёл после...

Сердце у неё ударило сильнее.

— Вот ты где, — прошептала она.

Карасс.

Приёмник снова пискнул. На этот раз голос стал яснее.

— ...Она не наследница. Она должница.

Она поставила метку времени и вызвала официальный архив Омбриса. Запрос ушёл через нейтральный канал. Система думала долго. Потом выдала чистый ответ:

Передача не зарегистрирована.

Лейла усмехнулась.

— Конечно. А я тут с кружкой разговариваю.

Она отправила второй запрос, уже в люмировский архивный контур. Ответ пришёл быстрее:

Данных нет.

Пустая карточка была лучше, чем отказ. Отказ означал, что запись не знают.

Лейла сделала снимок экрана.

Снаружи, за стеной технического коридора, прошёл по-

грузчик. Пол под ней дрогнул.

— Не драматизируй, — сказала она ему. — Ты списан официально. Тебе уже нечего терять.

Аппарат ответил новым фрагментом.

Лейла сняла наушник.

Она наложила на фрагмент фильтр. Повторяющаяся впадина в шуме стала чётче. Потом внутри неё появился второй слой. Не помеха и не эхо капитана. Кто-то ещё стоял рядом с записью, почти неслышно. Или кто-то был пришит к ней позже.

Лейла увеличила слой.

Экран выдал предупреждение: Низкая достоверность распознавания.

— Спасибо, без тебя бы я решила, что у нас тут семейный архив с хорошим освещением.

Она приняла риск.

Второй голос был коротким. Всего один звук, потом обрыв. Лейла прогнала фрагмент. Потом ещё раз. На четвёртом проходе звук сложился в слово.

— Откройте.

Лейла сняла наушник и посмотрела на экран. Слово было произнесено почти шёпотом. Но тембр...

Она не стала торопиться. Тембр — коварная вещь. Голосеть может тянуть чужую память через чужие связки. Мёртвый канал может ломать запись так, что старый капитан зазвучит голосом молодой певицы. Вейранские специалисты

делали голоса так чисто, что человек начинал сомневаться в собственной памяти.

Лейла открыла защищённый архив с публичными выступлениями Арии. После Нивендры их стало много. Каждый канал хотел услышать наследницу Синен.

Лейла выбрала короткий фрагмент. Ария говорила там:
— Я не верну власть дому, который уже однажды спутал хранение с правлением.

Лейла вырезала слово «верну», сняла лишний шум, сравнила с голосом из передачи.

Совпадение было недостаточным для суда. Но достаточным, чтобы кто-нибудь начал стрелять.

— Плохая новость, — сказала она приёмнику. — У нас появился второй голос.

Приёмник нагрелся сильнее. Может, обиделся. Может, собирался сгореть.

Значит, запись либо подделали, либо Карасс сказал её голосом.

Лейла сохранила слой отдельно. Присвоила ему безобидное имя: «Грибной спор. Версия 4». Потом открыла свой редактор заметок.

Карасс. Передача есть. В официальных архивах пустота. В шуме подпись мёртвого канала. Второй голос похож на Арию. В момент передачи Ария молчала.

Она хотела добавить ещё строку, но на коридорном датчике вспыхнула чужая метка.

Кто-то вошёл на технический уровень без запроса к местной системе.

Лейла быстро закрыла редактор. Экран приёмника погас. Она сунула аппарат в сумку, поднялась и врезалась плечом о край шкафа. Тот ответил металлическим звуком на весь коридор.

— Прекрасно, — прошептала она. — Скрытность уровня парадный оркестр.

За дверью остановились шаги.

Она достала из кармана маленький резак, присела у люка и приложила пластину к шву. Замок мигнул жёлтым.

— Не надо так на меня смотреть, — сказала она. — Я журналист. У нас отношения с дверями сложные.

Замок щёлкнул, но не открылся. За основной дверью включился официальный сигнал допуска.

— Лейла Тран, — произнёс мужской голос. — Архивный контроль Люмира. Откройте, пожалуйста.

«Пожалуйста» прозвучало опаснее приказа.

Дверь открылась.

— Контролёр Марен Виск, — представился он. — Вы находитесь в закрытой зоне ретрансляции.

Лейла посмотрела на стены, где облупленная краска держалась на честном слове.

— Правда? А выглядит как место, где ретрансляция умерла, но бухгалтерия не дала денег на похороны.

— Ваш допуск не разрешает работу с частотным оборудо-

дованием Омбриса.

— Я не работала. Я восхищалась.

— Чем именно?

— Стойкостью. Этот шкаф пережил три поколения техников и явно знает о политике больше нас обоих.

Контролёр не улыбнулся. Жаль. С чувством юмора было бы проще.

Он вошёл в нишу и провёл сканером по шкафу. Потом по полу. Потом по воздуху рядом с сумкой Лейлы.

— У вас есть несанкционированный приёмник.

— У меня есть личное устройство обработки заметок.

— Оно перегревается.

— Творческий процесс.

— Передайте устройство.

— На каком основании?

Виск поднял экран с распоряжением.

— По протоколу о карассовом инциденте все несанкционированные записи подлежат изъятию.

Лейла взяла экран двумя пальцами и наклонила к свету.

— Документ интересный.

— Он действителен.

— Я не о том. Время регистрации стоит на семь минут раньше, чем Люмира официально признала факт инцидента.

Контролёр чуть задержал дыхание. Маленькая победа. Неполезная, но приятная.

— Вы внимательно читаете, — сказал он.

— Профессиональная болезнь. У вас тоже есть. Вы сейчас очень тщательно ищете вещь, которой, по официальной версии, не существует.

Виск опустил экран.

— Лейла Тран, вы разумный человек. Это видно по тому, как вы прячете страх за раздражающими шутками.

— Спасибо. Обычно меня называют просто раздражающей.

— Тогда поймите: непроверенная передача из Карасса может сорвать безопасность Омбриса.

— Непроверенная? Значит, передача всё-таки есть?

Он посмотрел на неё уже без вежливой оболочки.

— Передайте устройство.

— Нет.

— Это осложнит ваше положение.

— Моё положение осложнилось в тот день, когда я решила, что правда важнее спокойной работы в пресс-службе.

— Вы романтизируете себя.

— Иногда. Но недолго. Потом приходят такие люди, как вы, и портят настроение.

Виск сделал шаг ближе.

— Вы не понимаете масштаба.

— Я как раз пытаюсь понять. А вы хотите забрать единственный фрагмент, который не успели вырезать из журнала.

— Если фрагмент поддельный, его публикация убьёт людей.

— А если настоящий?

Контролёр не ответил. Лейла уловила эту паузу и мысленно поставила рядом с ней красный знак. Он не был простым исполнителем.

— Вы уже видели пустую карточку архива, — сказал он наконец.

Лейла почувствовала, как внутри всё стало тише.

— Значит, следили за моими запросами.

— После сигнала из Карасса все запросы по закрытому сектору отслеживаются.

— Удобно. Можно заранее узнать, кто первым заметит дырку в ковре.

— Вы не первая.

Это было сказано почти случайно. Но Лейла услышала.

— Кто ещё?

Виск тут же закрылся.

— Устройство, Лейла.

Она вздохнула. Потом медленно сняла сумку с плеча. Контролёр чуть расслабился. Ошибка.

Свет моргнул.

Виск резко повернулся.

Лейла ударила сумкой ему в грудь. Не сильно, но достаточно, чтобы он сделал шаг назад. Приёмника в сумке уже не было. Она держала его в рукаве, прижатым к ладони.

— Извините, — сказала она. — Технический уровень. Тут всё эмоциональное.

Виск потянулся к браслету связи.

Лейла бросилась к аварийному люку и ещё раз ударила по замку резакон. Замок решил, что дальнейшие споры ниже его достоинства, и открылся.

За спиной Виск крикнул:

— Остановить её!

— Сейчас не время для беседы, герой.

Проход вывел её к вертикальной шахте обслуживания. Внизу шумел доковый уровень. Сверху мигал знак аварийного лифта. Лейла выбрала вниз. Журналист, бегущий вверх, выглядит подозрительно. Журналист, падающий вниз, выглядит занятым.

— Лейла Тран, остановитесь, — сказал он голосом Виска.

— Передайте Марену, что у него хороший дрон и плохие манеры.

Магнит прилип к дрону.

— Вот теперь ты работаешь в доке, — сказала Лейла и прыгнула на нижнюю площадку.

Дальше начались коридоры, где Омбрис показывал своё настоящее лицо. Дальше шёл настоящий Омбрис — без переговорных залов и чистых окон для делегаций.

Гир сидел у открытого распределителя и пил что-то зелёное.

— Я тебя не видел, — сказал он, даже не подняв головы.

— Я ещё ничего не попросила.

— У тебя просьба на лице.

— Мне нужен выход в грузовой коридор.

— Мне нужен покой. Видишь, оба страдаем.

За поворотом послышались шаги.

Лейла положила на стол маленькую пластину данных.

— Там запись о том, как начальник дока продал правую половину ремонтного бюджета на новый кабинет.

Гир поднял глаза.

— Правую половину?

— Левая, кажется, ушла на кресло. Я не успела проверить.

Техник вздохнул, открыл боковую дверь и показал пальцем.

— Иди. И если тебя поймают, я скажу, что ты угрожала мне журналистской этикой.

— Это самое страшное оружие.

— Поэтому я и открыл.

Лейла прошла через лавку и оказалась в грузовом коридоре. Там было людно. Отлично.

Приёмник в рукаве подал знак. Лейла едва не бросила его в ближайший контейнер. Потом поняла: это не перегрев. Он закончил обработку второго слоя.

Она спряталась за штабелем грузовых рам и включила экран на минимальной яркости.

Фрагмент был короткий. Сначала капитан: «Она не наследница. Она должница». Потом шум мёртвого канала.

— Откройте узел.

Лейла замерла.

На экране высветилось сравнение. Вероятность совпадения поднялась.

Лейла не стала произносить цифру вслух.

Она открыла защищённый канал на «Рубежный». Прямой доступ к Дариусу был закрыт, что неудивительно.

Она отправила короткое сообщение:

Нашла копию передачи. Официально её нет. В шуме подпись мёртвого канала. Есть второй голос. Похож на Арию. Она не могла говорить. Мне нужен защищённый вход. Срочно.

Канал завис.

Потом выдал ошибку.

Маршрут перехвачен.

Лейла подняла голову.

Виск не кричал. Он показал ей открытый экран.

Лейла спрятала приёмник глубже в рукав и пошла в сторону бокового выхода. Не побежала. Бег создаёт сюжет.

Один охранник двинулся наперерез.

— Госпожа Тран, — сказал Виск уже ближе. — Вы совершаете ошибку.

— Я их коллекционирую. Потом, возможно, открою выставку.

— Последнее предложение. Передайте запись. Мы оформим всё как добровольное сотрудничество.

— А если не передам?

— Тогда вас задержат за незаконную работу с закрытым

карассовым фрагментом.

— Которого нет.

— Именно.

Лейла почти рассмеялась. В этом было что-то честное. Наконец-то бюрократия сказала вслух, что обвинит её в краже пустоты.

Она отступила к служебной двери. За ней должен был быть коридор к старым грузовым лифтам. Дверь запросила пропуск. Лейла приложила украденную доковую куртку к считывателю. Система задумалась.

Виск сделал шаг.

— Не надо.

Система пискнула и открыла дверь.

— Надо, — ответила Лейла и юркнула внутрь.

Впереди мигал старый лифт.

— Я духовно тяжелее, — сказала Лейла и нажала вызов.

Лифт не приехал.

Она нажала ещё раз.

— Не сейчас, железный предатель.

Сзади уже слышались шаги.

Охранник успел просунуть руку. Она ударила по кнопке аварийного спуска. Лифт ухнул вниз. Мужчина выругался и отдёргнул пальцы.

Кабина падала недолго, потом резко затормозила. Лейла врезалась плечом о стену.

Она поймала его у самой щели.

Экран включился.

Лейла ввела код.

Передача ушла.

Адресата она выбрала не Дариуса и не Арию: первый путь был очевиден, второй опасен.

Лейла погладила приёмник большим пальцем.

— Мы с тобой ещё живы. Не благодари.

Аппарат мигнул красным и наконец выключился.

Она спрятала его под куртку и пошла вперёд. До безопасного выхода оставалось совсем немного. Нужно было найти местный канал, сменить внешний вид, связаться с «Рубежным» и не попасться Виску. В обычный день это считалось бы насыщенным утром. Сегодня — только началом.

За поворотом включился настенный экран. Старый, треснувший, предназначенный для служебных объявлений. Он ожил без запроса. На нём появилась строка из люмирского архива:

Передача из сектора Карасса не зарегистрирована.

Лейла остановилась.

Строка мигнула и сменилась другой.

Повторный запрос запрещён.

Потом экран на секунду погас. Когда он включился, на нём уже не было архивного текста.

Хрип капитана прошёл по пустому коридору:

— Она не наследница. Она должница.

Следом прозвучал второй голос.

Лейла услышала его уже без фильтров и цифр. Женский. Молодой.

— Откройте узел.

Экран погас окончательно.

Лейла стояла в аварийном коридоре и больше не думала о побеге. Подделка была заметной и удобно оставленной на её пути. Значит, запись не прятали от неё — её направляли дальше.

Глава 4. Адмирал Рут принимает командование

Сайра Рут получила назначение за семь минут до официального приказа. Так работала настоящая власть Люмира: сначала в личном канале появлялась короткая метка доступа, потом люди начинали делать вид, что решение ещё обсуждается.

Вошёл куратор Вос. За ним двигался молодой офицер с планшетом и лицом человека, который уже пожалел, что выбрал службу при Комитете.

— Адмирал Рут, — сказал Вос. — Комитет благодарит вас за готовность принять срочное командование.

— Я ещё не выражала готовность.

— Мы исходили из вашего понимания ситуации.

— Как удобно. Я, оказывается, уже согласилась, просто не успела узнать.

Молодой офицер сделал вид, что изучает стену.

Вос положил на стол пластину приказа. Сайра не взяла её.

В таких вещах спешка выглядела как голод.

Сайра задержала взгляд на этой строке.

— У вас плохая привычка превращать людей в термины.

— Термин помогает избежать эмоций.

— Нет. Термин помогает не слышать, как человек говорит

В ответ.

Вос промолчал. Он умел принимать удар без выражения лица. Сайра ценила это качество у противников и терпеть не могла у союзников.

— Вам нужен командующий, который не дрогнет из-за Арии, — сказала она. — Поэтому вы пришли ко мне.

Молодой офицер всё-таки поднял глаза.

Вос ответил после короткой паузы:

— Нам нужен командующий, который знает цену её имени.

— Красиво. Вы репетировали?

— Нет.

— Зря. С репетицией вышло бы честнее.

— Что принял «Рубежный»? — спросила она.

— Фрагмент передачи.

— Полностью?

— Почти.

— Не люблю слово «почти» в военных вопросах. Оно обычно лежит между ошибкой и похоронами.

«Она не наследница. Она должница».

— Кто капитан? — спросила она.

— Имя требует проверки.

— Это значит, что имя нашли и оно неудобное.

Вос посмотрел на офицера. Тот быстро опустил глаза к планшету.

— Капитан Ирен Тав, — сказал Вос. — Корабль «Сел-

лар-Восемь». Официальный статус — пропал при карассовом срыве связи.

— Пропал?

— Да.

— Удобное слово. Человек может сгореть на борту, умереть в шлюзе, оставить запись, а в отчёте всё равно будет «пропал».

— Сейчас важно другое.

— Сейчас важно всё, что вы пытались сжать до одного слова.

Вос устал от её тона, но пришёл не спорить. Приказ уже лежал на столе. Осталось заставить её поставить подпись.

Сайра вернулась к столу.

— Что известно о втором голосе?

На лице Воса впервые появилось настоящее раздражение.

— Каким образом вы узнали?

— Если Комитет задаёт вопрос таким голосом, значит, вопрос правильный.

— У нас нет подтверждения.

— Но есть подозрение.

— Есть фрагмент, похожий на голос Арии.

Сайра медленно выдохнула. Воздух вышел ровно, но внутри всё сдвинулось. Голос Арии в карассовом фрагменте. Прекрасно. К мёртвым каналам, политике Люмира и нервному Ардину добавился голос Арии — повод сделать её знаменем или угрозой.

— Ария могла говорить в момент передачи?

— По данным «Рубежного» — нет.

— Тогда это подделка.

— Либо резонанс.

— Не прячьтесь за словом «либо». Кто получил её голо-
совой профиль после Нивендры?

— Несколько федеральных служб.

— Вейран?

— Официально нет.

Сайра усмехнулась.

— Я спросила не об официальных сказках.

Вос замолчал.

Ответ был понятен.

— Что вы хотите от меня на деле? — спросила она.

— Закрыть сектор Карасса до стабилизации.

— Силой?

— При необходимости.

— А если Ардин уже вышел к архивным буям?

— Остановить.

— А если гражданские корабли окажутся внутри контура?

Вос ответил не сразу. Сайра не отвела взгляда.

— Выведем при возможности.

— При возможности — ещё одно слово между ошибкой
и похоронами.

Молодой офицер неожиданно сказал:

— В секторе сейчас три гражданских каравана на дальних

маршрутах.

Вос повернулся к нему.

— Лейтенант.

Тот побледнел, но продолжил:

— Два каравана можно успеть вывести до полной кольцевой блокировки. Третий идёт через старую трассу без маяка. Связь нестабильна.

Сайра посмотрела на него внимательнее.

— Имя.

— Лейтенант Арос Венн, адмирал.

— Хорошо, Венн. Сколько времени нужно третьему каравану?

— Четыре часа до безопасного выхода. Если не будет срыва маяка.

— А если будет?

— Они потеряют окно.

Вос вмешался:

— Чем дольше мы ждём, тем больше риск распространения сигнала.

— А чем быстрее режем контур, тем выше шанс оставить гражданских внутри.

— Риск принят к расчёту.

Сайра посмотрела на него. В таких словах люди исчезали особенно быстро.

— Расчёт видел лица пассажиров?

— Адмирал.

— Я спросила.

— Нет.

— Значит, это не расчёт. Это таблица.

Она взяла пластину приказа и поставила подпись. Вос расслабился рано. Сайра тут же открыла поле оперативных уточнений и вписала своё первое распоряжение: до полной блокировки узла дать гражданским судам одно окно выхода. Время — сорок минут. Больше нельзя. Меньше она не позволяла.

Вос прочитал и нахмурился.

— Это создаст задержку.

— Это создаст шанс.

— Комитет может не одобрить.

— Комитет только что назначил меня командовать. Пусть наслаждается последствиями своей веры.

— Я хочу полный пакет по старым картам Карасса, — сказала Сайра.

— Карты есть в приложении.

— Полный пакет, Вос. Не праздничную версию для учебных залов.

— Часть данных закрыта архивным надзором.

— Теперь открыта моим командованием.

— Это не так просто.

— Тогда сделайте сложно, но быстро.

Вос понял, что дальше спорить бесполезно. Он дал лейтенанту знак. Тот отправил запрос, получил отказ, побледнел

ещё сильнее и показал экран куратору.

— Архив не даёт доступ, — сказал Вос.

— Почему?

Лейтенант ответил раньше него:

— Основание: «несовместимость с утверждённой историей сектора».

Сайра медленно повернулась к нему.

— Повтори.

— Так написано, адмирал.

В кабинете стало тихо. Даже Вос перестал изображать контроль.

— История не может быть несовместима с картой, — сказала Сайра. — Если карта не сходится с историей, значит, в истории есть ложь.

Она подошла к личному терминалу и ввела старый адмиральский код. Код был почти забытый, из тех времён, когда флот ещё мог требовать данные напрямую, без поклонов перед архивами. Система сначала отказала. Сайра ввела второй код, уже из закрытого боевого контура. Терминал подумал и открыл серый слой.

На экране появилась старая карта Карасса.

Сайра не стала садиться. Она смотрела стоя, потому что тело лучше держит удар, когда не расслаблено. Перед ней развернулся сектор во время старой войны. Светоч Карасс отмечался тёмным ядром, вокруг него сходились боевые трассы. Люмирские корабли подсвечивались синим. Ар-

динские — красным. Синенские архивные суда проходили отдельными метками. Нейтральные караваны обозначались бледными точками, и на них Сайра задержала взгляд.

— Увеличить район Рахэн, — сказала она.

Карта повиновалась.

— Там пусто, — заметил Вос.

— Слишком пусто.

На военной карте пустота почти всегда имеет автора. Сайра увеличила масштаб. В районе узла Рахэн отсутствовал целый участок боевой сетки. Участок не был повреждён. Его просто убрали.

— Лейтенант Венн, — сказала она. — Проверь соседние метки времени.

Он сел за терминал у стены.

— Есть расхождение. До вырезанного участка — бой у внешней дуги. После него — уже приказ о запечатывании. Между ними сорок семь минут.

— Сорок семь минут войны исчезли из карты, — сказала Сайра.

Вос посмотрел на экран. Его лицо стало тяжелее.

— Возможно, повреждение архива.

— Повреждение не подписывает края.

Она указала на две маленькие отметки у границы пустого места. Их легко было принять за технический мусор. Но Сайра долго работала с боевыми картами. Это были следы ручной правки.

— Кто утвердил карту? — спросила она.

Лейтенант открыл служебный слой.

— Архивный контролёр Люмирского флота, подпись старая. Подтверждение адмиральского уровня.

— Имя.

Венн помедлил.

— Подтверждение закрыто.

— Я спросила имя.

Он ввёл новый запрос. Экран мигнул красным. Система отказала. Сайра подошла ближе и приложила ладонь к панели допуска. Терминал подумал. Потом выдал строку.

Имени не было.

Только знак старого командного контура.

И вместе с ним исчез человек, задавший неправильный вопрос.

Сайра убрала ладонь с панели.

— Адмирал? — тихо спросил Венн.

Она вернулась в кабинет.

— Сделайте копию карты.

Вос резко сказал:

— Нельзя выводить этот слой из архива.

— Я не спросила, можно ли.

— Это нарушение.

— Нет. Нарушение — сорок семь минут, которых нет на карте.

— Вы не знаете, что там было.

— Поэтому и беру копию.

Сайра закрыла карту.

— Где сейчас Дариус Харран?

— На «Рубежном», — ответил Вос. — Принял кризисный контур вокруг Арии Синен.

— Ему передали приказ о прерывании резонанса?

Вос не ответил.

Сайра усмехнулась без радости.

— Значит, передали.

— Это стандартная мера.

— Нет. Стандартная мера — поставить врача у двери. А приказать человеку лично сломать связь с тем, кого он защищает, — это уже ваша любимая музыка.

— Харран сам настоял на командовании.

— Конечно. Вы дали ему два плохих выхода и назвали его выбор инициативой.

Вос наконец устал сдерживаться.

— Вы оба слишком личны в этом вопросе.

Сайра медленно повернулась к нему.

— Вот теперь мы подошли к настоящей причине моего назначения.

— Вы лучший командующий для узлового флота в кризисе.

— И бывшая близкая связь Арии.

Лейтенант Венн сделал вид, что его здесь нет. Получилось неубедительно. Но Сайра не злилась на него.

Вос сказал осторожнее:

— Комитет учитывает психологические факторы.

— Комитет рассчитывает, что я буду жёстче Дариуса.

— Вы умеете отделять личное от службы.

Сайра почти рассмеялась. Не весело. Фраза была аккуратной для такой грязной мысли.

— Нет, Вос. Я умею делать вид. Это разные навыки.

Она открыла канал узлового флота. На экране появились капитаны, которые уже получили первичный приказ и ждали её слова. Лица были собранные. Усталые. Злые.

— Говорит адмирал Рут, — сказала Сайра. — С этого момента узловой флот Карасса под моим командованием. До особого распоряжения весь сектор переводится в режим флотской немоты. Внешние каналы закрыть. Боевое оружие не активировать без моей команды. Гражданским судам дать одно окно выхода через безопасный коридор Омбриса. Срок окна — сорок минут от текущей метки.

Один из капитанов сразу возразил:

— Адмирал, Комитет требовал немедленного закрытия.

— Комитет не ведёт корабли через перегруженный узел.

— Ардин может использовать окно.

— Ардин уже использует каждую нашу ошибку. Не будем дарить им ещё одну.

Другой капитан спросил:

— Если сигнал повторится?

— Записать. Изолировать. Не ретранслировать.

— Если сигнал пойдёт через экипаж?

Сайра посмотрела на карту Карасса, где по-прежнему темнел вырезанный участок.

— Медицинский контур на каждом корабле. Без грубой силы, пока человек не угрожает борту.

Вос хотел вмешаться, но Сайра уже продолжила:

— Любой капитан, который решит превратить голосовую рану в повод стрелять по своим, лично объяснит мне, почему он испугался быстрее навигатора.

На экранах стало тише. Вот теперь они её услышали.

Канал завершился. В кабинете остались Вос, лейтенант и карта.

— Вы смягчили приказ, — сказал куратор.

— Я сделала его исполнимым.

— Это может стоить нам контроля.

— Контроль, который начинается с паники собственных капитанов, долго не живёт.

Сайра вернулась к столу и открыла список кораблей в карассовом коридоре. Третий гражданский караван всё ещё шёл через старую трассу. На экране его метка дрожала.

— Связаться с караваном, — приказала она.

Лейтенант выполнил запрос.

Ответ пришёл с задержкой. На экране появилось лицо женщины лет пятидесяти. У неё была рабочая куртка гражданского флота и красные глаза. За спиной толпились люди. Там явно уже слышали обрывок карассового сигнала.

— Это капитан Нара Шенн, караван «Мелис». Кто на линии?

— Адмирал Сайра Рут. Вы идёте через коридор, который будет закрыт.

Капитан побледнела, но голос не сорвался.

— Мы не успеваем выйти. У нас старое гравиядро. Если дадим полный ход, оно развалится.

— Сколько людей на борту?

— Двести тридцать один пассажир, — сказала Нара. — И экипаж.

Вос тихо произнёс:

— Адмирал, открытый канал опасен.

Сайра не посмотрела на него.

— Капитан Шенн, слушайте внимательно. Я дам вам сорок минут окна. Идёте через правую тень маяка, не отвечаете ни на какие внешние сигналы, кроме моего кода. Если услышите голос Карасса, не спорьте с ним и не повторяйте вслух. Ваш врач должен отсечь общий канал пассажирского отсека.

— У нас нет военного врача.

— Тогда самый спокойный человек на борту пусть станет врачом на сорок минут.

— У нас самый спокойный — повар.

— Отлично. Повар обычно лучше всех знает, кто врёт о своём состоянии.

Капитан впервые за разговор моргнула не от страха.

— Принято.

— И ещё. Если люмирский корабль потребует остановиться до выхода из коридора, передайте мой код. Если не поможет, передайте моё имя. Обычно оно портит людям настроение быстрее кода.

— Спасибо, адмирал.

— Не благодарите. Выйдите сначала.

Связь оборвалась.

Сайра закрыла канал и только теперь позволила себе вдохнуть глубже. На секунду она почувствовала усталость в плечах. Сорок минут. Мизер на фоне сектора. Пропасть на фоне чужих жизней.

Вос тихо сказал:

— Если из-за этого окна сигнал уйдёт дальше, ответственность будет ваша.

— Запишите. Вам ведь всё равно нужен будет виновный.

Он не ответил.

Лейтенант Венн вдруг сказал:

— Адмирал, архивная карта снова изменилась.

Сайра подошла к экрану.

Серый слой, который она только что копировала, начал закрываться. Не стираться — зарастать новым служебным уровнем. Архив пытался задним числом убрать следы ручной правки. Сайра успела увидеть, как на месте вырезанного участка появляется ровная пустота с подписью: «Данные утрачены при карассовом срыве».

— Они правят карту сейчас, — сказал Венн.

Сайра посмотрела на Воса.

Тот был бледен. Не как виновный.

— Это не мой приказ, — сказал он.

Сайра поверила. Частично.

— Значит, у нас в архиве живёт ещё один хозяин.

Она открыла сохранённую копию. Та осталась в её буфете. Пока. Сайра отправила её на флагман в закрытую ячейку и поставила личный замок.

На столе мигнуло новое распоряжение Комитета. Уже без мягких формулировок.

В связи с риском повторного голосетевого заражения требуется немедленная кольцевая блокада сектора Карасса. Окно для гражданских судов не продлевать.

Сайра прочитала документ. Потом посмотрела на метку каравана «Мелис». До выхода оставалось сорок две минуты.

Она могла спорить. Могла требовать уточнений.

Сайра взяла пластину приказа.

Рука не дрогнула.

— Адмирал, — тихо сказал Венн.

Она не подняла глаз.

— Да?

— Караван «Мелис» не успеет.

— Я знаю.

— Мы можем дать им ещё десять минут.

— Если дам, Комитет снимет меня до завершения окна.

Новый командующий закроет сектор сразу. Тогда они не получат и этих сорока.

Венн замолчал. Молодой ещё. Хочет, чтобы правильный выбор выглядел чистым.

Она подписала приказ о кольцевой блокаде с установленной задержкой в сорок минут. Формально — выполнение распоряжения Комитета. По сути — всё, что она смогла выжать из чужой трусости и своего права командовать.

На карте вокруг Карасса начала закрываться световая дуга. Один за другим гасли выходы.

Метка каравана «Мелис» дрогнула, ускорилась и пошла к правой тени маяка.

Сайра смотрела, пока система не вывела строку подтверждения:

КОЛЬЦЕВАЯ БЛОКАДА ПРИНЯТА К ИСПОЛНЕНИЮ.

В эту секунду старый участок карты Карасса мигнул ещё раз. На месте вырезанных сорока семи минут проступила одна чужая метка — маленький корабль с подписью «Селлар-Восемь». Потом архив закрыл её пустотой.

Глава 5. Пепельный проводник Ардина

Пепельный маршрут начинался там, где нормальные навигаторы разворачивали корабль и начинали ругаться на карту. Рен Лиран любил такие места. Не потому, что был романтиком опасных дорог.

Малый корабль Ардина шёл без маяка. Двигатель работал на приглушённом гравитоке, связь молчала, внешняя обшивка была покрыта пепельным напылением.

Рен стоял у навигационного кресла и следил за серой линией маршрута. Пилот Лаир вёл судно почти на ощупь.

— Слева кольцевая тень, — сказал Лаир. — Справа слепой дрейф. Впереди старый мусор Карасса. Я всё ещё считаю, что этот маршрут придумал человек, которому сильно надоела жизнь.

— Этот маршрут придумал твой учитель, — ответил Рен.

— Именно. Он умер.

— Через двадцать лет после этого.

— Но начал, думаю, здесь.

— До первого буя сколько? — спросил Рен.

— До первого буя два часа — если пепельный срыв нас не снесёт, — сказал Лаир.

— У Ардина нет богов навигации.

— Тогда по настроению двигателя. Он у нас достаточно капризный для религии.

Рен видел таких бойцов много раз. Сначала они приходят за именами мёртвых.

— Саэн, — сказал он.

Юноша поднял голову.

— Да, вольный старший.

— Оставь ремень. Он уже понял, что ты главный.

Пилот фыркнул.

Саэн смутился, убрал руку от резака.

— Привычка.

— Плохая. В бою рука должна искать решение, а не вещь, которую уже нашла.

— В бою я найду цель.

Вот теперь в рубке стало тише.

Рен повернулся к нему полностью.

— Мы идём к архивным буям.

— Буи сами не виноваты, — сказал Саэн. — Виноваты те, кто их охраняет.

— Виноваты те, кто начал ложь. Их ещё надо найти.

— Люмира закрыла сектор. Люмира стёрла имена. Люмира называет наших дезертирами даже после смерти.

У стены сидела Мара Кель, старшая разведчица группы.

— Мальчик, если ты решил назвать всех виновных до завтрака, нам придётся отложить вылет на неделю.

— Не называйте меня мальчиком.

— Тогда не говори, будто у тебя в кармане весь суд Дуги.

Саэн резко встал. Рен поднял руку, и он остановился. В Ардине ещё уважали этот жест. Не все, но достаточно.

— Мара права, — сказал Рен. — Мы пришли за именами, не за новыми могилами.

Саэн посмотрел на него почти с обидой.

— Моя мать была на «Витаре». Официально — пропала при нарушении маршрута. Отец погиб, когда искал её корабль. Официально — контрабандист. Сестру не взяли в школу пилотов, потому что семья числится неблагонадёжной. Сколько ещё мне ждать правильных слов?

— Ты не обязан ждать чужого разрешения на боль, — сказал Рен. — Но если ударишь по тем, кто оказался ближе, Люмира получит подарок. Они покажут на тебя и скажут: вот почему мы молчали. Вот почему Ардин нельзя подпускать к правде.

— Пусть попробуют сказать это мне в лицо.

— Не скажут. Они покажут запись. Этого хватит.

Мара щёлкнула крепежом и наконец подняла глаза.

— Рен, внешний след.

Лаир приглушил двигатель. В рубке погасли лишние панели. Корабль вошёл в холодный дрейф. На экране проявилась бледная метка. Она шла по дальнему коридору, не военному. Тяжёлая для разведчика, медленная для фрегата.

— Гражданский караван, — сказал Лаир. — Люмирская регистрация. Идёт к выходному окну.

Саэн шагнул к экрану.

— Люмирский?

— Гражданский, — поправил Рен.

— Они возят военные грузы под гражданскими метками.

— Иногда. А иногда возят людей, которым не повезло ока-

заться между чужими приказами.

Лаир нахмурился.

— Если караван пройдёт здесь, он собьёт нам маску. Их хвостовой сканер старый, но шумный. Нас увидят.

— Обойти?

— Можно уйти ниже. Там пепельный карман. Если двигатель кашляет, нас развернёт к Карассу. Я не хочу знакомиться со светочем лицом к лицу. У него плохая репутация.

— Сколько ждать?

— Двадцать минут. Может, тридцать.

Мара посмотрела на Рена.

— Мы потеряем подход к первому бую.

— Но не выдадим себя Люмира.

— И не спасём запись, если буи отключат раньше.

Саэн шагнул к оружейной панели.

— Можно решить проще. Один малый заряд по двигателю каравана. Они уйдут в аварийный дрейф, хвостовой сканер погаснет. Никто не погибнет.

Рен медленно повернулся.

— Отойди от панели.

— Я сказал по двигателю.

— Я услышал.

— Мы теряем путь из-за люмирского судна.

— Мы теряем путь из-за войны, которую нам навязали мёртвые и живые. Караван здесь не причина.

Саэн не отошёл. На лице уже не было смущения. Осталась упрямая боль. Мара поднялась, но Рен остановил её жестом.

— На борту могут быть дети, — сказал Рен.

— Люмира всегда прячет детей рядом со своими грузами.

— Ты это знаешь?

— Я знаю, как они работают.

— Нет. Ты знаешь, как они убили твою семью. Этого достаточно для ненависти. Недостаточно для приговора.

Саэн побледнел.

— Вы говорите как они.

— Если я начну говорить как Люмира, — сказал он, — ты первым скажешь мне это при всех. Но сейчас я не позволю сделать память о твоей матери оправданием для чужой смерти.

Лаир тихо сказал:

— Караван меняет курс. Они идут через правую тень.

— Пропускаем, — сказал Рен. — Двигатель в ноль. Маску не снимать.

— Нас затянет в пепельный слой.

— Значит, посидим тихо.

— Корабль Ардина и слово «тихо» редко дружат.

— Сегодня познакомятся.

Так выглядела зона, где сама карта устала быть картой.

Саэн смотрел на него молча.

— Мама, а если кольцо закроется?

Женщина ответила почти сразу:

— Не закроется, пока мы внутри.

— А если адмирал передумает?

— Тогда мы будем очень громко ругаться с адмиралом.

Лаир тихо пробормотал:

— Хорошая женщина. Её бы к нам в навигацию.

Саэн отвернулся.

— Они ушли, — сказал Лаир.

— К окну успеют?

— Если их двигатель не развалится и если Сайра Рут не закроет створку раньше.

Мара склонилась над экраном.

— Сигнал от внешнего наблюдателя. Радикальная ячейка «Красный след» вышла на связь.

Рен нахмурился.

— Они не должны были знать наш маршрут.

— Уже знают.

— Рен, — сказал Варс. — Люмирский караван прошёл рядом с тобой. Ударь по нему. На борту архивный контролёр. Он везёт обрезанные данные Карасса.

Саэн резко поднял голову.

— Я же говорил.

Рен не шелохнулся.

— Мара, источник?

— Сигнал чистый, но путь странный. Он прошёл через старый ретранслятор, потом через нейтральный буфер.

— Вейранский?

— Похоже. Подпись спрятана плохо. Слишком плохо.

Рен включил ответ.

— Варс, подтверждение груза.

— У нас мало времени.

— Подтверждение.

— Ты слышал меня.

— Я слышал приказ ударить по гражданскому кораблю.

Теперь хочу услышать доказательство.

Варс помолчал. Потом в его голосе стало больше железа.

— Ты опять ищешь чистую дорогу, Рен. У нас её нет. У нас забрали имена и могилы. Карасс заговорил, а Люмира уже закрывает сектор. Если мы не ударим первыми, нас снова похоронят в их отчётах.

Саэн смотрел на Рена так, будто ждал, что тот наконец поймёт очевидное.

— Мы не ударим по каравану, — сказал Рен.

— Тогда ты защищаешь их.

— Нет. Я защищаю нас от того, чтобы стать их удобным объяснением.

— Ты хочешь правду, которая простит врагов.

— Я хочу правду, которая выдержит проверку.

— Мёртвые не дождутся твоих проверок.

Рен почувствовал, как в нём поднимается злость. Не на Варса. На эту фразу. Ею легко закрывать любую дверь. Ею легко открывать огонь.

— Мёртвые не просили нас убивать гражданских, — сказал он.

— Ты не знаешь, о чём они просили. Ты боишься услышать.

Связь оборвалась.

Рубка молчала. Потом Саэн сказал:

— Он прав.

Рен медленно повернулся к нему.

— В чём?

— Если на борту архивный контролёр, он увезёт правду. Мы снова опоздаем. Всегда опаздываем, потому что ждём доказательств, а Люмира действует.

— Ты слышал ребёнка на канале.

— Я слышал. И я слышал мать, которая верит, что адмирал её выпустит. Моя тоже верила. Её корабль числится пропавшим.

Рен подошёл к Саэну ближе. Не угрожающе.

— Если ударишь по этому каравану, ты убьёшь не адмирала. Не архив и не приказ. Ты ударишь по тем, кто сидит в пассажирском отсеке и ждёт, успеет ли старый двигатель до окна. Потом Люмира покажет их лица всей Дуге. И каждому миру скажет: Ардин пришёл за правдой и начал с детей.

— Вы давите на жалость.

— Да. Потому что жалость иногда мешает руке стать чужим оружием.

Саэн опустил глаза. Но Рен видел: спор не закончился. Он ушёл глубже.

Лаир дал малый ход. Корабль вышел из пепельного слоя. Первый архивный буй должен был появиться через сорок минут. Они потеряли часть окна, но всё ещё могли успеть. Если данные не вырежут. Если Люмира не закроет контур.

— Мара, проверь наши внутренние каналы, — сказал он. — Особенно личные передатчики.

Саэн вскинулся.

— Вы мне не доверяете?

— Сейчас я не доверяю маршруту, Варсу, карассовому шуму и собственному оптимизму. Если хочешь попасть в этот список отдельно, продолжай спорить.

Лаир тихо сказал:

— Оптимизм у тебя вообще был?

— Был. В детстве. Потом его реквизировали на нужды восстания.

Мара прошла по рубке с ручным сканером. Проверка заняла несколько минут. У Лаира — чисто. У старшего стрелка — чисто. У Саэна сканер задержался на браслете клятвою бойца. Юноша напрягся.

— Это память семьи, — сказал он.

— Я знаю, — ответила Мара. — Поэтому и не трогаю без причины.

Сканер пискнул.

Мара нахмурилась.

— Есть скрытый передатчик.

Саэн побледнел.

— Я ничего не ставил.

— Вижу. Шов старый. Его могли встроить при ремонте.

— Вейран, — сказала Мара.

— Или тот, кто купил их мастерскую, — ответил Рен.

Саэн смотрел на браслет так, будто у него отняли не вещь, а последнюю честную память.

— Это браслет матери.

— Теперь он ещё и чужое ухо, — сказал Рен мягче. — Не ты виноват, что его испортили.

— Я носил его всё время.

— Значит, наши разговоры давно могли слушать.

Юноша закрыл лицо ладонью. Злость ушла.

Рен положил браслет на стол.

— Мара, не глуши сразу. Пусть слушают.

Она подняла бровь.

— Поиграем?

— Недолго. Передадим им то, что они хотят услышать.

Лаир оживился.

— Обожаю моменты, когда мы начинаем врать профессионалам. Это как плевать в дорогой суп, только суп вооружён.

Рен открыл внутренний канал рядом с браслетом.

— Все по местам. Мы меняем план. Караван «Мелис»

имеет приоритет как носитель архивного контролёра. После выхода из правой тени маяка берём его на прицел и готовим заряд по двигателю.

Саэн вскинул на него взгляд, но Рен едва заметно качнул головой. Юноша понял и промолчал.

Браслет не шелохнулся. Передающая нить работала без видимого сигнала. Так и должно быть.

Рен продолжил:

— Первый буй пока оставляем. После удара уходим в пепельный карман.

Мара выключила канал.

— Ушло.

— Теперь ждём, кто поверит.

Лаир тихо присвистнул.

— Хорошая ловушка. Дорогая.

— Значит, правда Карасса стоит дороже, чем мы думали, — сказал Рен.

Саэн смотрел на дрон. В его глазах появилось новое выражение. Не спокойствие. До него далеко. Но первый слой уверенности треснул.

— Они хотели, чтобы я ударил, — сказал он.

— Да.

— Через браслет матери.

— Да.

Юноша сглотнул.

— Я бы ударил.

Рен не стал утешать.

— Теперь не ударишь.

Саэн посмотрел на него.

— Я хочу забрать этот дрон.

— Заберём. Только тихо.

— Можно я?

Мара сразу сказала:

— Нет.

Рен посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что у него руки ещё трясутся.

— Это можно исправить работой.

— Это можно ухудшить смертью.

Саэн выпрямился.

— Я справлюсь.

Мара подошла к нему вплотную.

— Справиться — это не значит рвануть первым, чтобы доказать, что ты не виноват. Справиться — это выполнить задачу и вернуться с целыми пальцами. У тебя с пальцами какие планы?

— Оставить при себе.

— Уже лучше.

Рен кивнул.

— Саэн идёт со мной. Мара страшует. Лаир держит корабль в дрейфе.

Пилот поднял руку.

— Я знаю, что ты не любишь слово «держит», но корабль сам себя не удержит.

— На этот раз разрешаю.

— Исторический день.

— Достаточно.

— Я не хочу ошибиться.

— Ошибёшься, если будешь проверять страх вместо креплений.

Саэн выдохнул.

— Как вы это делаете?

— Что?

— Говорите так, будто всё уже пережили.

Рен посмотрел на шлюзовую створку. За ней медленно вращались куски старого корабля. В одном обломке ещё можно было узнать часть знака Люмира. В другом — ничего, кроме сторевшей обшивки.

— Никак. Я просто давно понял, что страх не обязан командовать вслух.

Шлюз открылся.

Они вышли в пространство на малой тяге. Обломки плыли вокруг серыми теньями. Даже издали Карасс делал края металла чёрными, будто после пожара. Рен двигался первым, Саэн — за ним.

— Дрон впереди. Прячется за рёберной балкой. Не включать активный скан.

— Вижу, — сказал Рен.

Дрон был меньше человека, с плоским корпусом и тремя сенсорными глазками. Он висел неподвижно, ожидая выстрела, которого не будет.

— Готово, — сказал Саэн.

— Забирай ядро записи.

— Там может быть ловушка.

— Поэтому медленно.

Саэн извлёк маленький кристалл памяти. На миг он замер, глядя на свою руку.

— Они бы показали меня убийцей.

— Если бы ты дал им материал.

— А если я уже дал? Разговоры, наши маршруты, имена...

— Вернёмся и проверим, сколько ушло.

— А если поздно?

— Тогда будем чинить то, что можно починить, — сказал он.

— Есть запись, — сказала Мара. — Дрон был настроен на караван. Ждал наш удар. Канал вывода — вейранский буфер. Но команда активации пришла не от Вейрана напрямую.

— От Варса?

— Через его узел.

Саэн сжал кулаки.

— Значит, Варс с ними?

— Не спеши, — сказал Рен. — Узел могли использовать без него.

Мара посмотрела на экран.

— Или с ним.

Рен не ответил. Варс был старым бойцом. Старые бойцы тоже умеют ошибаться.

На главном экране вспыхнул архивный буй. Ещё далеко, слабый, почти утопленный в шуме Карасса. Но он был там. Первый реальный след, ради которого они шли.

Лаир усмехнулся.

— Ну что, пепельные романтики, мы почти на месте. Двигатель передаёт, что ненавидит всех, но пока работает.

— Передай ему благодарность Ардина, — сказала Мара.

— Он просит оплату вперёд.

— Саэн, — сказал он.

Юноша поднял глаза.

— Браслет оставь у Мары до проверки. Память семьи не в передатчике.

— А где?

— В том, что ты сегодня не выстрелил.

Саэн опустил взгляд. Ответить он не успел.

Мара бросилась к панели, но сигнал уже ушёл.

На экране промелькнула строка передачи. Короткая, без текста.

Получатель был скрыт плохо. Или теперь уже нарочно не прятался.

ВЕЙРАНСКИЙ ПРИЁМНЫЙ БУФЕР. ДОСТАВЛЕНО.

Саэн побелел.

Рен посмотрел на открытый браслет, потом на дальний экран, где архивный буй медленно рос в сером свете Карасса. Ловушка не закончилась на гражданском караване.

Глава 6. Карассово сияние

«Рубежный» вошёл в край карассова сияния на малом ходу.

Карасс не светил привычно. Он не давал тепла и не делал пустоту живее. Впереди висело тёмное ядро, вокруг которого дрожало мутное сияние, похожее на след от старого пожара. На дальних датчиках оно выглядело как пятно.

Ария не любила такие мысли. Они звучали красиво, а красивое часто мешало увидеть простое. Простое сейчас было на экране: щиты «Рубежного» теряли слой за слоем, гравимотор требовал пересчёта тяги, навигационный контур сбивался на каждой третьей отметке. Карасс не говорил с ними словами. Пока он ломал привычный порядок.

Дариус вышел из лифта и сразу посмотрел на экран щитов.

— Сколько просадка?

Старший инженер ответил с рубки, его голос пришёл в галерею через открытый канал:

— Семь процентов за четыре минуты. Компенсируем, но сияние лезет в боковой контур.

— Гравиядро?

— Грется выше расчёта. Пока не критично, но оно уже делает вид, что всё под контролем, хотя перегрев растёт.

Перед выходом к сиянию Дариус показал Арии закры-

тое распоряжение Комитета. Она тогда спросила, что значит «любой».

Он ответил:

— Я не дам им превратить это слово в готовое решение.

Ответ был честным. Не лёгким, но честным.

— Я пойду в рубку, — сказала Ария.

— Ты можешь остаться здесь.

— Могу. Но не останусь.

Дариус не стал спорить. Хорошо. Спор сейчас только добавил бы Карассу зрителей.

— Рейн, — сказал Дариус. — Состояние?

Навигатор не ответил сразу.

— Контур держится. Поток идёт криво, но читается.

Ария уловила в его голосе странную хрипоту. Она была не простудной и не от усталости.

Дариус услышал тоже.

— Медик в рубку.

— Уже вызван, — сказала офицер связи.

Рейн резко повернул голову.

— Не надо медика. Я веду маршрут.

— Медик не заберёт у тебя маршрут.

— Если он поставит блок, корабль потеряет нить.

— Если ты упадёшь в панель, корабль потеряет больше.

Рейн хотел возразить, но экран перед ним вспыхнул. Маршрутная линия ушла в сторону.

— Компенсация! — приказал Дариус.

Инженерный канал заговорил сразу:

— Гравиядро ушло в скачок. Снимаем нагрузку с третьего кольца.

— Не снимать с щитов.

— Тогда будет жарко.

— Я не просил сделать уютно.

Ария ухватилась за поручень. В руке отозвалась слабая вибрация. Через металл шёл низкий гул. Он не был похож на работу двигателя. Больше на чужое дыхание в стенах.

Рейн согнулся над панелью.

— Срыв маяка на внешней линии. Карта не совпадает.

— Резервный контур, — сказал Дариус.

— Резервный показывает другое небо.

Ария подошла ближе к панели Рейна.

— Что ты видишь?

Дариус тихо сказал:

— Ария.

Она не отступила.

Рейн посмотрел на неё. Зрачки у него стали слишком широкими.

— На карте есть корабль, — сказал он. — Его нет в текущем контуре, но он идёт перед нами. Старый борт. Метка похожа на синенскую, но её закрывает пепел.

— Название?

Рейн сжал виски.

— Не читаю.

На его экране на миг проступил силуэт корабля. Очень старый. Длинный корпус, повреждённый нос, хвостовой отсек с разорванным знаком. Потом изображение исчезло. Вместо него экран выдал служебную ошибку.

ПАМЯТНЫЙ ШУМ. ИСТОЧНИК НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

Медик вошёл в рубку почти бегом. Невысокая женщина с короткими волосами и сумкой на плече.

— Голосная рана начинается.

Рейн резко отстранился.

— Я в порядке.

— Эту фразу придумали люди, которые почти никогда не в порядке.

— Я веду корабль.

— Пока да. Поэтому я не спорю с тобой громко.

Дариус сказал:

— Что нужно?

— Снять часть нагрузки с его голосового контура. Лучше заменить навигацию на машинную.

Рейн усмехнулся, но звук вышел не его.

— Машина поведёт нас в старый бой.

Ария почувствовала, как кожа на спине пошла холодом.

— Что ты сказал?

Рейн моргнул. Он сам не понял.

— Я сказал... Машина не справится.

— Нет. Ты сказал про старый бой.

В рубке стало тесно от молчания.

Рейн поднял руку к горлу.

— Не помню.

Медик тихо выругалась и открыла иньектор.

— Теперь точно блок.

— Нет, — сказал Рейн. — Если вы закроете меня сейчас,

мы потеряем поток.

Дариус смотрел на карту. Решение нужно было принять быстро. Машинная навигация действительно путалась. Рейн ещё читал путь, но уже платил за это собой.

Ария знала этот выбор хорошо.

— Дай ему не блок, а страховку, — сказала она медику.

— Это не учебная палуба, госпожа Синен.

— Я вижу.

— Страховка удержит его минут десять. Потом рана может пойти глубже.

Рейн схватился за край панели.

— Мне хватит семи.

Дариус коротко кивнул.

— Семь минут. Потом выводись его.

Медик недовольно посмотрела на всех.

— Семь минут, — сказала она. — Потом я выключу его сама и напишу в отчёте, что командование мешало медицине из героического упрямства.

— Пишите, — сказал Дариус. — Только потом.

— Есть линия. Край сияния открыт. Нужно пройти ниже повреждённого буя.

— Буй виден? — спросил Дариус.

— Не физически. Но след есть.

— Ведите.

«Рубежный» изменил курс. Гравимотор перешёл в мягкий обход, и корпус отозвался тяжёлой вибрацией. На главном экране тёмное сияние Карасса стало ближе. Оно заполняло рубку без света. Давило на глаза и заставляло людей говорить тише.

Ария услышала первый шёпот не через динамики. Он пришёл изнутри, но не принадлежал ей. Короткая команда: «Детей к центральной переборке». Потом удар.

Она вцепилась в поручень.

Дариус сразу оказался рядом.

— Контакт?

— Да.

— Открытый?

— Нет. Не знаю. Он не спрашивает.

В её горле поднялся чужой привкус. Металл, дым, кровь от прикушенной губы. Ария моргнула, и рубка исчезла на долю секунды.

Она стояла в узком коридоре гражданского борта. Аварийный свет мигал красным. В полу лежал маленький ботинок, чистый для этого места. Где-то плакал ребёнок. Мужчина в форме пилота бил кулаком по панели, пытаясь вручную закрыть шлюз. Рядом женщина держала в руках переносной архивный контейнер.

— Не сюда, — сказал пилот. — Архив не сюда. Сначала люди.

Женщина ответила:

— Приказ старшего протокола. Контейнер должен выйти.

— У меня в отсеке сорок человек.

— Контейнер должен выйти.

Видение оборвалось. Ария была в рубке.

— Ария? — спросил Дариус.

Она вдохнула.

— Там был гражданский борт.

— Из записи?

— Нет. Другая память.

Медик уже смотрела на неё с инъектором в руке.

— Даже не думайте, — сказала Ария.

— Я ещё ничего не сказала.

— Вы сейчас скажете «профилактический блок».

— Я не хочу потом собирать вашу память по палубе.

— Память пока моя.

Дариус не улыбнулся. Он наблюдал за ней слишком внимательно.

— Что ты видела?

Ария посмотрела на главный экран. Там Карасс казался ближе, чем должен был быть.

— Приказ вынести архивный контейнер раньше людей. На гражданском борту.

Офицер связи подняла голову.

— У нас новый фрагмент на пассивном канале.

Дариус мгновенно вернулся в командный режим.

— На экран. Без ретрансляции наружу.

Шум заполнил рубку. Сначала он был почти обычным.

Потом внутри него проявились команды. Короткие, не героические.

— Второй отсек закрыть.

— У нас дети.

— Не открывать шлюз.

— Архив к спасательной капсуле.

— Да плевать мне на архив, у меня люди внутри.

Последнюю фразу произнёс тот самый пилот.

Рейн вскрикнул и хлопнул ладонью по панели.

— Он перед нами!

На карте появился старый корабль. Теперь он шёл не силуэтом, а почти полным контуром. Система попыталась присвоить ему номер, но выдала только обрывки: «...ар...лис».

Потом часть имени смыло шумом.

— Это фантом, — сказал один из офицеров.

Рейн повернул к нему голову. В его глазах уже стояли чужие слёзы.

— Фантомы не оставляют тепловой след.

Экран подтвердил: впереди был слабый остаточный след. Не корабль и не настоящее тело.

— Обходим, — приказал Дариус.

— Если обойдём, потеряем линию к бую, — сказал Рейн.

— Обходим.

— Генерал...

— Я не поведу корабль через память чужой гибели, пока у меня есть другой путь.

Рейн замолчал и изменил курс. «Рубежный» ушёл ниже, щиты взвыли на границе слышимого. Инженерный канал сообщил о новой просадке. Гравиядро подняло температуру ещё на два деления.

— Перегрев растёт, — сказал инженер. — Нам нужно сбросить часть нагрузки.

— Сколько выдержим?

— Если Карасс не решит нас пожевать, минут пятнадцать.

— А если решит?

— Тогда я напишу жалобу, но боюсь, он не состоит в профсоюзе.

Дариус бросил взгляд на Арию. На этот раз она улыбнулась. Коротко. Нервно. Но улыбнулась.

Шум в канале изменился. Детский плач стал ближе. Ария стиснула зубы. Она не хотела слышать это. Не хотела становиться сосудом для чужой смерти. Но если отвернуться сейчас, запись станет ничьей.

Она шагнула ближе к панели связи.

— Дайте мне изолированный канал.

Дариус сразу сказал:

— Нет.

— Я не вхожу в Голоссеть. Только слушаю.

— Это уже не просто слушание.

— Тогда назови правильно. Я выдержу.

Он смотрел на неё, и в этом взгляде было то самое распоряжение Комитета. Не текстом. Весом. Если она сорвётся, он должен будет остановить.

— Изолированный канал, — сказал Дариус. — На три минуты. Медик рядом. При признаках потери ориентации отключаем.

— Я услышу.

— Я не обсуждаю.

Ария кивнула. В этот раз спорить было бы глупо.

Офицер связи вывела фрагмент в закрытый контур. Перед Арией поднялась прозрачная панель. Медик закрепила на её запястье датчик. Тот показал скачок пульса.

— Очень бодрая картина, — сказала медик.

— Не комментируйте мою картину.

— Я врач. Мне положено портить настроение.

Панель ожила.

Ария услышала дыхание пилота. Он был ранен. Не смертельно, ещё нет. Рука плохо слушалась, но он продолжал вводить команды. Рядом плакал ребёнок. Не громко. Устало.

— Пилот Тарен... — произнёс он. Дальше имя утонуло в треске. — Борт гражданского вывода. Запрос к любому живому каналу. Архивный контейнер перекрыл спасательную капсулу. Повторяю: выход закрыт.

Женский голос рядом:

— Уберите его.

— Не могу. Старший протокол.

— Там дети.

— Я знаю.

Пилот закашлялся. Ария почувствовала это своим горлом и едва удержалась на ногах. Дариус сделал шаг, но она подняла руку. Не сейчас.

— Приказ пришёл с синенской меткой, — сказал пилот.

— Кто бы ни слушал потом, запишите: мы не отказались спасти людей. Нам закрыли выход архивом.

Женщина рядом заплакала, но не громко. Она явно пыталась не пугать ребёнка.

— Тарен, шлюз третий нагрелся.

— Вижу.

— Если он откроется...

— Он не откроется.

— Ты не можешь удержать его один.

— Значит, помоги.

Звук сменился. Металл скрипнул. Люди тянули ручной фиксатор. Не героически. С матом, кашлем и тяжёлым дыханием. Пилот что-то приговаривал себе под нос. Ария различила только одно:

— Не архив. Людей. Сначала людей.

Потом пришёл новый голос. Холоднее, дальше, через внутренний канал корабля:

— Приоритет старшего протокола подтверждён. Архив-

ный груз не вскрывать. Не перемещать и не допускать внешнего доступа.

Пилот ответил сразу:

— Отменяю.

— У вас нет допуска.

— У меня есть сорок человек за переборкой.

— Нарушение будет внесено в отчёт.

Пилот вдруг рассмеялся. Коротко и зло.

— Внесите. Если отчёт выживет, пусть ему будет стыдно.

В рубке «Рубежного» никто не говорил. Даже инженерный канал замолчал, хотя гравиядро всё ещё грелось. Ария слушала и чувствовала, как чужая память цепляется за её дыхание.

Панель перед ней мигнула. Голос пилота стал ближе.

— Ребёнка ко мне. Быстро.

Женщина ответила:

— Зачем?

— Он маленький. Пролезет через сервисный рукав.

— Там нет давления.

— На четыре метра есть. Дальше моя куртка. Быстро.

Ребёнок заплакал сильнее.

— Я не хочу.

Пилот сказал уже иначе. Не приказом.

— Я тоже не хочу. Но у нас с тобой плохой день, маленький. Давай испортим ему план.

Датчик на запястье Арии запищал.

— Пульс, — сказала медик. — Надо закрывать.

— Ещё немного.

— Нет.

Дариус подошёл ближе.

— Ария.

Она открыла глаза. В них стояли слёзы, но голос оставался её.

— Он сейчас назовёт себя.

Дариус понял. Имя. Вся книга началась с имени, и теперь Карасс бил туда же.

— Десять секунд, — сказал Дариус.

Медик недовольно выдохнула, но не отключила канал.

Ария снова услышала пилота.

— Если запись дойдёт... Пилот Невар...

Дальше пошёл треск.

Ария вцепилась в край панели.

— Повтори.

Голос тонул. Она потянулась к нему не руками, а чем-то глубже. Голоссеть отозвалась болью. В груди будто открылась чужая дверь.

— Пилот Невар Сай.

Ребёнок кричал. Металл рвался. Женщина молилась не богам, а маршруту. Пилот успел сказать ещё одну фразу:

— Не открывайте архив, пока не выведете живых.

Потом удар закрыл всё.

Ария отшатнулась. Дариус подхватил её за плечи, но не

удерживал. Не дал упасть.

Медик уже отключила канал. Панель погасла. Рубка вернулась сразу: экраны, нагретая проводка, лица офицеров и голос инженера.

— Гравиядро на пределе. Ещё один скачок — и мы потеряем третью линию.

Рейн вдруг спокойно сказал:

— Я вижу путь.

Все повернулись к нему. Навигатор больше не дрожал.

— Рейн, — сказал Дариус.

— Фантом ушёл. Буй впереди. Дайте мне одну коррекцию.

Медик шагнула к нему.

— Нет. Семь минут вышли.

— Одна коррекция.

Дариус посмотрел на карту. Потом на Арию. Она всё ещё дышала тяжело, но уже стояла сама. Если уйти сейчас, они потеряют след. Если останутся, Карасс возьмёт ещё.

— Машинный расчёт по его линии, — приказал Дариус.

— Рейн диктует, система ведёт. После коррекции медик снимает его с панели.

Рейн хотел возразить. Дариус наклонился к нему ближе.

— Это приказ, навигатор. И редкий случай, когда он ещё и разумный.

Рейн слабо усмехнулся.

— Разумные приказы портят флотскую статистику.

— Переживём.

Коррекция заняла сорок секунд. «Рубежный» пошёл ниже карассового пятна, щиты просели до тревожного уровня и вдруг стабилизировались. Гравиядро сбросило перегрев на два деления. На главном экране, в самом краю мёртвого сектора, появилась слабая точка.

Архивный буй.

В рубке никто не обрадовался вслух. Рано. Дорого достался первый подход.

Медик отстранила Рейна от панели. Он встал, сделал шаг и вдруг посмотрел на Арию.

— Невар Сай, — сказал он.

Ария застыла.

— Что?

— Я не знаю, почему сказал. Имя сидит в голове.

Дариус повернулся к офицеру связи.

— Проверить по реестрам.

Офицер уже работала. Сначала она открыла люмирский архив. Потом омбрисский. Потом старый список гражданских бортов Карасса. На каждом экране результат был одинаковым.

Совпадений нет.

— Может, имя повреждено? — спросила медик.

Ария покачала головой.

— Нет. Он сказал чётко.

— В реестрах нет пилота Невар Сай, — сказала офицер

связи. — Нет даже близкого совпадения в карассовом секторе.

Дариус смотрел на слабую точку буя.

— Значит, его стёрли.

Ария медленно опустила взгляд на свои руки. Они больше не искали чужую панель.

— Запишите его, — сказала она. — Не как фрагмент. Как человека.

Офицер связи посмотрела на Дариуса. Тот кивнул.

— Создать временную карточку, — приказал он. — Пилот Невар Сай. Источник — карассовый голосовой фрагмент. Статус — требует подтверждения.

Ария подняла голову.

— Не «требует подтверждения».

Дариус понял, но всё же спросил:

— А как?

Она посмотрела на экран, где архивный буй горел маленькой точкой у края мёртвого сектора.

— Статус — возвращён из Голоса Карасса.

Офицер связи внесла строку. Система попыталась возразить, запросила официальный источник и вывела предупреждение о недопустимом формате. Дариус наклонился к панели и подтвердил командным кодом.

Карточка приняла имя.

В тот же миг архивный буй впереди ожил и передал короткий ответ на закрытый канал «Рубежного».

ИМЯ ПРИНЯТО. СЛЕДУЮЩИЙ ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ.

Глава 7. Нейтральная экспертиза

Солар Иксон получил координаты архивного буя через девять минут после того, как ардинский браслет передал их в вейранский буфер.

Он стоял в обзорной комнате лабораторного корабля «Аверн» и смотрел, как на экране растёт карассовый сектор. Вейранские инженеры называли это поле нестабильной памятью пространства. Военные называли его зоной риска. Солар предпочитал слово «актив». Не из цинизма. Актив можно оценить, защитить, оформить и применить. С памятью погибших всё сложнее. Её часто оставляют тем, кто громче всех плачет.

На центральном экране мигали две линии. Первая шла от малого корабля Ардина к архивному бую. Вторая тянулась от «Рубежного», который уже вошёл в край карассова сияния. Рядом с «Рубежным» появилась новая метка: временная карточка пилота Невар Сай. Значит, Ария Синен не услышала фрагмент.

Солар коснулся панели.

— Повторите момент регистрации.

Техник за соседним столом вывел запись. На экране вспыхнула строка:

СТАТУС — ВОЗВРАЩЁН ИЗ ГОЛОСА КАРАССА.

— Система «Рубежного» приняла формулировку? —

спросил он.

— После командного подтверждения Харрана, — ответила аналитик Мера Дил. — Но первичный отклик пошёл от буя. Не от корабля.

— Буй ответил на имя.

— Да.

— Значит, Ключ голоса реагирует не на титул Арии.

Мера Дил посмотрела на него осторожно.

— Вы считаете, что реагирует на акт признания?

— Пока я считаю, что мы получили дорогую подсказку бесплатно. А бесплатные подсказки обычно кто-нибудь уже оплатил кровью.

Дверь открылась. Вошёл патентный юрист Консорциума Нал Крес.

— Совет держателей требует объяснить, почему мы ещё не заявили претензию на нейтральную экспертизу, — сказал он.

— Потому что я хотел сначала понять, что мы будем экспертизировать.

— Для заявки достаточно формулировки.

— Для провала тоже.

— Карасс открылся сразу нескольким сторонам, — сказал Крес. — Люмира боится паники. Ардин уже идёт к буям. Независимые системы хотят доступ к записям. В такой ситуации Вейран может предложить нейтральную площадку.

— Не площадку. Метод.

— Метод звучит дороже.

— Он и будет дороже.

— Слово «владелец» убрать из публичной версии, — сказал он.

Крес поднял бровь.

— Оно там и не стоит.

— Я говорю про смысл.

Юрист слегка улыбнулся.

— Смысл сложнее убрать.

— Тогда спрячьте его за заботой. Это у вас получается лучше.

Мера Дил кашлянула, чтобы скрыть улыбку. Крес сделал вид, что не заметил.

— Совет хочет вашу фразу для обращения, — сказал он.

— Напишите так, — сказал Солар. — Вейран готов предоставить независимую экспертизу мёртвых каналов Карасса, чтобы ни одна сторона не смогла превратить память погибших в оружие.

Крес внёс фразу.

— Хорошо звучит.

— Поэтому проверьте дважды.

— Вы не доверяете хорошим фразам?

— Я не доверяю людям, которые им верят.

Через полчаса Солар вышел на закрытую связь с представителями сторон. Он не ждал согласия. Люмира должна была сделать вид, что не нуждается в помощи. Ардин должен

был обвинить Вейран в торговле чужими могилами.

Так и случилось.

Люмирский куратор появился на экране с лицом человека, которому приходится есть собственный протокол без соли.

Солар начал первым:

— Карасс уже вышел за пределы военного контура. Голосовые фрагменты приняты гражданскими судами, независимыми доками и минимум одним ардинским кораблём. Если каждая сторона начнёт чистить записи сама, через сутки у нас будет несколько несовместимых правд. Они разойдутся по Дуге быстрее любого флота.

Люмирский куратор ответил:

— Федерация имеет собственные инструменты проверки.

— Они уже показали пустую карточку там, где была запись.

Ардинский представитель подался ближе к передатчику.

— Вейран слишком быстро оказался готов спасать правду. Обычно вы сначала считаете, сколько она стоит.

— Мы считаем сразу, — сказал Солар. — Это экономит время.

— Чужая смерть для вас актив.

— А для вас знамя. Не будем соревноваться, кто выглядит приличнее.

В канале стало тише.

Омбрисский медиатор мягко вмешался:

— Господин Иксон, вы предлагаете доступ к мёртвым каналам через вейранские фильтры. Почему стороны должны доверять вашей очистке?

— Не должны. Поэтому доступ будет зеркальным. Каждая исходная запись остаётся в нейтральном буфере. Вейран получает копии для анализа, а результат проходит сверку с омбрисским контрольным слоем.

— И с люмирским, — добавил куратор.

— Нет, — сказал ардинец. — Люмирский слой уже вырезал половину Карасса.

Куратор резко ответил:

— Ардин не имеет морального права говорить о вырезанных данных после атаки на архивные буи.

— Мы били по военной цели.

— Вы били по тому, что вам показали.

— Именно поэтому экспертиза должна быть внешней, — сказал он. — Люмира и Ардин друг другу не поверят. Омбрису не хватает алгоритмов. У Вейрана они есть.

Ардинец усмехнулся.

— И цену имеет.

— Цена будет ниже новой войны.

Это была удобная правда.

Люмирский куратор спросил:

— Что Консорциум хочет взамен?

— Доступ к полному спектру карассовых фрагментов, включая повреждённые голосовые слои. Право временной

обработки через наш закрытый контур. Юридическое признание методики как нейтрального стандарта до конца кризиса.

Омбрисский медиатор наклонил голову.

— Временный стандарт часто становится постоянным.

— Если он работает, это не самый плохой исход.

Ардинский представитель ударил ладонью по столу. Звук пришёл в канал с задержкой.

— Вы хотите купить Голос Карасса.

Солар посмотрел прямо в экран.

— Нет. Купить можно только то, у чего уже есть продавец. Голос Карасса разорван между каналами. Каждая сторона тянет его к себе. Мы предлагаем инструмент, который хотя бы покажет, где голос настоящий.

— А где удобный для Вейрана.

— Поэтому нужен контроль Омбриса.

— Федерация рассмотрит предложение, — сказал куратор.

— Ардин не признаёт вейранского контроля, — ответил представитель.

— Но возьмёт ваши результаты, если они помогут обвинить Люмира, — сказал Солар. — Не будем тратить время на взаимную чистоту.

Омбрисский медиатор устало вздохнул.

— Я оформлю предварительный протокол. Без признания собственности на данные.

— Совет доволен. Ардин злится, Люмира нервничает, Омбрис просит ещё три приложения. Нормальное начало.

— Совет пусть радуется позже, — сказал Солар. — Покажите голосовой слой Арии.

Солар смотрел на модель без удовольствия. Вейранские специалисты любили говорить, что голос — это биометрия. Он считал иначе. Голос был поведением.

— Данных мало, — сказала Мера.

— Достаточно для короткой фразы?

— Для грубой подделки — да. Для живого диалога — нет.

— Живой диалог пока не нужен.

Крес вмешался:

— Формально мы не имеем права моделировать голос Арии Синен без согласия Люмира.

Солар повернулся к нему.

— Формально Люмира уже передала нам публичные записи.

— Публичная запись не равна согласию на синтез.

— Поэтому это не синтез. Это стресс-тест угрозы голосового морока.

Юрист на секунду задумался, потом кивнул.

— Такое определение можно защитить.

— Я знаю.

Мера посмотрела на Солара внимательнее.

— Вы хотите проверить фразу из перехваченного фрагмента?

— Да.

— «Откройте узел»?

— Именно.

Она не сразу начала работу.

— Короткая фраза опаснее длинной. Там меньше мест, где подделка ошибается.

— Поэтому её и выбрали.

— Вейран её не выбирал.

Солар посмотрел на неё.

Мера выдержала взгляд, но продолжила тише:

— Я хочу понимать, что мы делаем. Если уже есть внешний морок с голосом Арии, наш тест может совпасть с чужой подделкой. Потом будет трудно доказать, где проверка, а где атака.

— Документируйте каждый шаг.

— Документы не всегда спасают.

— Зато помогают понять, кого судить, если всё рухнет.

Мера приняла ответ. Ей он не понравился, но она была специалистом, а не проповедником. На экране открылась рабочая среда. Голос Арии разложили на слои. Алгоритм запросил опорные фразы.

Солар остановил её.

— Не делайте слишком чисто.

— Подделка будет хуже.

— Хорошо. Чистые подделки подозрительны. Карасс не звучит чисто.

Это надо было проверить отдельно.

— Запустить? — спросила Мера.

Такой доступ нельзя оставлять ничьим.

— Запускайте, — сказал он.

— Это она? — спросил он.

— Нет, — сказала Мера. — Это мы.

Солар слушал пятый вариант. Голос был похож на Арию, но не был Арией.

— Сверьте с карасовым фрагментом, — сказал он.

Мера наложила слои. На экране появились две линии. Они не совпали полностью, но шли близко. Одна и та же структура провала. Один и тот же шов на переходе между словами.

— Внешняя подделка сделана на родственной модели, — сказала Мера.

Крес поднялся.

— Родственной вейранской модели?

— Не обязательно нашей текущей версии.

— Но из нашей школы.

Мера не ответила.

Солар ошибался.

— Поднять архив продаж старых голосовых библиотек, — сказал Солар. — Закрыто. Без Совета.

Крес резко повернулся.

— Без Совета нельзя.

— Можно, если Совет может оказаться в списке покупа-

телей.

Юрист замолчал. Такие слова лучше не повторять вслух. Они живут долго и дорого обходятся.

Мера отправила запрос.

— Доступ займёт время.

— Ускорьте.

— Ускорение потребует объяснения.

— Напишите, что алгоритм испытывает сильные чувства.

Она посмотрела на него и впервые за день улыбнулась.

— Машинам нельзя приписывать чувства в служебном журнале.

— Тогда напишите правду. Система ведёт себя как идиот.

— Это тоже нельзя.

— Вот поэтому журналы так скучно читать.

Смех в лаборатории вышел коротким, но нужным. Солар позволил ему случиться.

Солар прочитал и отправил ответ одной строкой:

Вейран готов начать тестовую очистку на обезличенных фрагментах.

Крес одобрительно кивнул.

— Хороший ход. Обезличенные фрагменты звучат безопасно.

— Потому что никто не спрашивает, кто их обезличил.

— Иногда мне кажется, вы не любите собственную профессию.

— Я не люблю иллюзии вокруг неё.

Мера снова позвала его:

— Есть ещё одна проблема.

— Показывайте.

Она вывела на экран запись с «Рубежного», снятую с дальнего пассивного слоя. Там Ария произносила имя Невар Сай. Запись была неполной, но суть ясна. После её слов архивный буй ответил.

— Если мы хотим снять голосовой профиль для работы с Карассом, публичных фрагментов мало, — сказала Мера. — Нужен её голос после резонанса. До него и после него — разные модели.

— Получить можно?

— Только если войти в медицинский или корабельный контур «Рубежного».

— Риск?

— Высокий. Харран заметит.

— Харран заметит даже хорошо спрятанную мысль.

— Тогда не стоит.

Солар смотрел на запись. Ария на ней была бледная, злая и живая. На записи Ария была живой, не символом и не угрозой. Это мешало Солару смотреть на неё как на актив.

— Нам не нужен полный контур, — сказал он. — Нужен один резонансный слепок.

Мера поняла.

— Через омбрисский нейтральный архив?

— Да. «Рубежный» уже передал туда часть фрагментов

после первого сигнала. В тройном контуре должен остаться голос Арии как подтверждающий доступ.

Крес покачал головой.

— Это нарушение нейтрального протокола.

— Нет. Мы запросим не личный профиль, а проверку угрозы подделки. Омбрис сам передаст нам технический слепок без имени.

— Но мы будем знать, чей он.

— Знание не всегда пишут в заявке.

Юрист задумался и медленно сел.

— Такое можно оформить.

— Оформляйте.

Мера не двигалась.

— Солар, после этого мы уже не просто наблюдаем.

Он посмотрел на неё.

— Мы давно не наблюдаем.

— Тогда скажу прямо. Голос Карасса может быть не только оружием. Если Ария действительно возвращает имена, это не актив. Это доступ к тому, что пережило войну.

— Всё, что пережило войну, становится ресурсом для следующей, если его не защитить.

— Защитить или присвоить?

Солар не рассердился. Мера имела право спрашивать.

— Присвоить проще, — сказал он. — Защитить труднее. Поэтому мы строим форму собственности. Она хотя бы заставляет назвать ответственного.

— А если ответственный станет владельцем чужой памяти?

— Тогда его можно будет судить.

— Мёртвые уже пробовали ждать суда.

На это у него не было хорошего ответа. Только рабочий.

— Делайте запрос в Омбрис.

Мера отвернулась к панели.

Мера загрузила слепок в модель. Система перестроила фразу «Откройте узел». Теперь голос почти совпал с карасовым фрагментом.

Крес тихо сказал:

— Если это выйдет наружу, нас обвинят в создании морука.

— Поэтому не выйдет, — ответил Солар.

Мера повернулась к нему.

— Тест запускать в закрытом контуре?

— Да.

— Без внешней отправки?

— Без внешней отправки.

Она нажала запуск.

Алгоритм произнёс фразу голосом Арии:

— Откройте узел.

В лаборатории никто не пошевелился.

Мера выключила звук.

— Тест успешен.

На боковом экране мигнул системный журнал. Солар на-

хмурился.

— Почему появился внешний отклик?

Мера резко повернулась к панели.

— Его не должно быть. Контур закрыт.

— Источник?

— Не наш выход. Сработал старый ретранслятор в тестовой библиотеке.

Крес встал.

— Вы сказали, без внешней отправки.

— Мы не отправляли, — сказала Мера. — Библиотека сама подняла резервный канал.

Солар уже открыл журнал. Фраза ушла в микропакете. Очень коротком. Почти без следа. Получатель был не общий канал и не Люмира.

На экране появилась строка доставки.

ФРАЗА ПРИНЯТА. ОТКЛИК ОЖИДАЕТСЯ.

Крес побледнел.

— Это можно остановить?

Мера работала быстро, но было поздно.

Солар медленно убрал руку с панели. Теперь их тест перестал быть внутренним. Короткая фраза голосом Арии ушла туда, где мёртвые каналы уже отвечали на имена.

В лаборатории прозвучала запись. На этот раз её не запускал ни один техник.

— Откройте узел.

Голос Арии прошёл через закрытый контур и вернулся с

карассовым шумом на конце.

Глава 8. Первый бой у мёртвого буй

Архивный буй висел у края карассового сияния и не подавал признаков жизни. На экране «Рубежного» он выглядел маленькой серой точкой, но Дариус не доверял размеру на карте.

После отклика на имя Невар Сай рубка работала тише обычного. Люди не стали суеверными за одну ночь, но Карасс быстро учил осторожности. Каждая панель могла выдать чужой голос.

Дариус стоял у тактического стола и смотрел на три линии сближения. «Рубежный» шёл с люмирской стороны.

— «Ирха» не отвечает на общий канал, — сказала офицер связи. — Только повторяет запрос на выход из зоны.

— Они видят Ардин?

— Скорее всего, нет. Их датчики старого класса. Для них пепельный маршрут выглядит как грязь на экране.

— А нас?

— Нас видят. И очень надеются, что мы хорошие.

Старший инженер с нижнего канала мрачно добавил:

— Гражданские всегда так делают. Потом удивляются счётам за ремонт.

— Ардин меняет курс, — сказал навигатор-заместитель. После голосной раны Рейна к главной панели поставили другого специалиста. Новая навигатор, Тесса Вир, была спокой-

на и не пыталась казаться бесстрашной. Дариус уважал это.

— Они идут прямо к бую.

— Предупреждение передано?

— Да. Ответа нет.

— Передайте ещё раз. Узкий луч. Без общего канала.

Ария вошла в рубку без объявления.

— Ты должна быть в медицинском контуре, — сказал Дариус.

— Я там была. Контур оказался скучным.

Медик подняла руку.

— Я возражаю. Он был не скучным, а безопасным.

— Вот именно, — сказала Ария.

— Рядом с буюм начнётся бой, — сказал Дариус.

— Поэтому я здесь.

— Это плохой довод.

— Зато честный.

Он не стал спорить. Времени не было. На карте вспыхнула новая метка. Из пепельного слоя вышел второй ардинский сигнал, очень слабый, похожий на ложный след. Затем третий. Ардин привёл не один корабль.

Тесса резко выпрямилась.

— Генерал, у них малые аппараты. Два точно, возможно, третий прячется в обломках.

— Оружие?

— Короткие резакИ. Для вскрытия старых корпусов подойдут. Против нас — только если подойдут слишком близ-

ко.

— Они не собираются бить по нам, — сказал Дариус. — Они хотят добраться до буя и вырезать ядро.

Ария посмотрела на серую точку.

— Буй ответил на имя. Если они вскроют его силой, он может замолчать.

— Или заговорить так, что всем станет плохо.

— Ты думаешь, он опасен?

— Я думаю, что всё вокруг Карасса опасно, пока не доказало обратное. И даже потом лучше проверять ещё раз.

Офицер связи подняла руку.

— Ответ от Ардина.

На экран вывели короткий текст:

Архивные буи Карасса принадлежат погибшим, а не Люмира. Не мешайте возвращать имена.

Дариус прочитал и кивнул сам себе. Рен писал не для него.

— Ответить, — сказал Дариус. — Буй нестабилен. Силовое вскрытие может уничтожить запись. Предлагаем совместный карантинный контур через Омбрис.

Текст ушёл. Ответ пришёл быстро:

Люмирский карантин уже хоронил наши имена.

Ария тихо сказала:

— Они не поверят.

— Знаю.

— Тогда что ты сделаешь?

Дариус смотрел на карту. Если он отступит, Ардин возъ-

мёт буй.

— Я оставлю им путь назад, — сказал он.

Она повернулась к нему.

— Как?

— Предупредительный огонь. Не по корпусам. По пепельному слою перед ними.

— Они сочтут это атакой.

— Возможно.

— А если ответят?

— Тогда мне придётся не дать им погибнуть от собственной храбрости.

Ария не улыбнулась.

— Ты говоришь почти как человек, который привык воевать с детьми.

— С взрослыми хуже. Дети хотя бы иногда слушают после второго предупреждения.

— Огонь, — сказал он.

Два световых следа ушли в серую пустоту. Пепельный слой вспыхнул перед ардинским кораблём. Малые аппараты резко разошлись. Один ушёл низко и едва не задел старый обломок. Второй продолжил путь.

Тесса выругалась себе под нос.

— Они идут дальше.

— Следующий заряд ближе, — сказал Дариус. — Но не по ним.

— Ария?

— Не сейчас.

— Ты слышишь?

— Пока только шум.

Медик подошла ближе.

— У неё пульс растёт.

— У меня пульс растёт, потому что люди сейчас начнут стрелять возле архива мёртвых, — сказала Ария. — Это нормальная реакция.

— Нормальная реакция — уйти из рубки.

— Это реакция человека, который не хочет слышать моё мнение.

Медик недовольно прищурилась.

— Я хочу, чтобы вы не упали на пол. Мнение можно иметь лёжа, но выглядит хуже.

Офицер связи перебила:

— Новый сигнал. Не Ардин. Малые объекты на внешнем контуре.

На карте появились три белые метки.

— Спасательные аппараты? — спросил Дариус.

— По коду — да. По траектории — нет. Они идут слишком ровно для старых спасателей.

— Вейран, — сказала Ария.

Дариус уже думал то же самое.

— Проверить подпись корпуса.

— Они идут к «Ирхе», — сказала офицер связи.

Независимое судно металось между линиями сближения.

Его капитан наконец вышел на связь. На экране появился мужчина в старой гражданской форме. За его спиной мигал аварийный свет.

— «Рубежный», это капитан Ной Гарв с «Ирхи». У нас перегрев бокового двигателя. Мы не участники вашего боя. Повторяю: мы не участники.

Дариус ответил сразу:

— Капитан Гарв, держите текущий курс и не принимайте спасательные аппараты на борт.

— Они передают омбрисский код помощи.

— Код подделан.

— У меня двигатель горит.

Инженер «Рубежного» вмешался в канал:

— У вас не двигатель горит, а третий теплоотвод. Отключите кормовую переработку, и он перестанет изображать конец света.

Гарв моргнул.

— Кто это?

— Человек, который видел ваш класс корабля в музее и сочувствует ему.

— Я не могу отключить кормовую переработку. У меня там питание пассажирского отсека.

— Капитан, — сказал Дариус. — Мы пришлём настоящий ремонтный модуль. До его подхода не стыкуйтесь ни с кем.

— Сколько ждать?

Дариус посмотрел на расстояние.

— Шесть минут.

Гарв усмехнулся без радости.

— У меня теплоотвод обещает умереть через четыре.

— Он врёт, — сказал инженер. — Этот тип всегда врёт перед ремонтом.

— Вы очень уверены для человека, который не сидит рядом с ним.

— Я просто знаю старую технику. Она драматичнее молодых офицеров.

Гарв хрипло рассмеялся. И в эту секунду один из «спасательных» аппаратов резко изменил курс. Он больше не шёл к «Ирхе». Он пошёл к архивному бую.

— Вот и всё, — сказал Дариус. — Маска снята.

— Открыть огонь? — спросил оружейный офицер.

— Ионный срыв по траектории, — сказал он. — Не в корпус. Сбить управление.

— Есть.

Луч ушёл к дрону. Тот дёрнулся, потерял часть хода и выпустил ложный медицинский сигнал. На общем канале раздалось:

Спасательная операция нарушена люмирским огнём. Требуется защита нейтральных служб.

— Какая наглость, — сказал инженер. — Я почти уважаю.

— Передать Ардину визуальный пакет по дронам.

— Канал не принимают, — сказала связь. — Они закрылись.

На экране второй вейранский дрон вышел к «Ирхе». Капитан Гарв кричал в канал, что у него падает давление. Третий дрон пошёл между Ардином и «Рубежным», рассыпая ложные метки. У буя смешались линии Ардина, «Рубежно-го», «Ирхи» и ложные метки дронов.

Первый ардинский аппарат открыл огонь.

Заряд прошёл не по «Рубежному», а по пепельному слою между люмирскими кораблями. Предупреждение. Рен ещё пытался не сорвать всё окончательно. Но второй аппарат бил уже иначе.

— Повреждение на «Кайре», — доложила связь. — Щит выдержал.

Дариус отдал команду без повышения голоса:

— Отключить им резак. Не трогать двигатель.

Люмирский импульс попал точно. Ардинский аппарат закрутило, но корпус остался цел.

— Рен вызывает нас, — сказала связь.

— На экран.

Лицо Рена Лирана появилось среди помех.

— Харран, уберите огонь от буя.

— Уберите людей от буя, и огня не будет.

— Ваши дроны идут под медицинскими кодами.

— Они не наши.

— Удобно.

— Рен, Вейран играет нами обоими. Один их аппарат уже пытался снять данные с буя.

— Я видел, как Люмира стреляла по нему.

— Потому что это дрон.

Рен зло посмотрел в сторону, вероятно, на свой экран.

— Дайте полный пакет.

— Принимайте канал.

— На вашем канале сидит контроль Люмира.

— Тогда принимайте через Омбрис.

— Омбрис сейчас согласует собственное дыхание.

Дариус почти улыбнулся. Почти.

— У нас тридцать секунд до того, как один из дронов подключится к бую. Потом спорить будет поздно.

Рен молчал недолго.

— Передавайте.

— Связь, открытый пакет через нейтральный слой. Без военного кода.

— Есть.

Пакет ушёл. На карте ардинские аппараты чуть сбавили ход. Это был шанс. Маленький, скверный, но шанс.

Именно тогда третий вейранский дрон ударил по «Ирхе».

Удар был не мощным. Он был точным. В боковой узел, где старый теплоотвод уже держался на честном слове. На экране независимое судно вспыхнуло тревожным красным. Давление на нижней палубе начало падать.

— «Ирха» теряет воздух, — сказала офицер связи.

— «Рубежный», у нас пробит нижний контур. Пассажиры в корме. Я не могу их поднять.

— Спасательный модуль на подходе, — сказал Дариус.

— Он не успеет.

— Инженер, варианты.

— Стыковка через наш третий ремонтный рукав. Но надо подойти на опасную дистанцию.

— Риск для «Рубежного»?

— Щиты могут просесть до половины. Гравиядро начнёт ругаться в письменной форме.

— По людям говори.

— Если Карасс ударит по Голоссети в момент стыковки, у нас будут раненые.

Дариус посмотрел на карту. На карте сходились буй, Ардин, дроны и «Ирха». Каждая метка требовала решения. В учебниках это называют сложной обстановкой.

— Подходим к «Ирхе», — сказал он.

Оружейный офицер резко повернулся.

— Генерал, буй останется открыт.

— Не оставим. «Кайра» перекрывает дронов. Второй корабль — между Ардином и буюм. Без огня по корпусам, если не будет прямой атаки. Мы снимаем людей с «Ирхи».

Ария тихо сказала:

— Спасибо.

Он не посмотрел на неё. Сейчас нельзя было смотреть.

— Это не милосердие, — сказал он. — Это порядок действий. Сначала живые.

Инженерный канал взорвался возмущением:

- Генерал, если вы хотели устроить двигателю испытание, можно было просто оскорбить его мать.
- Ремонтный рукав готовить.
- Уже. И он тоже обижен.
- Пусть работает обиженным.
- Стыковка через двадцать секунд, — сказала Тесса.
- Дроны?
- Один повреждён. Второй идёт к бую. Третий висит между нами и «Ирхой».
- Сбить третий.
- Он прикрывается медицинским кодом.
- Дариус наклонился к панели.
- Передайте ему моё личное сочувствие и ионный импульс.
- Есть доказательство, — сказала она.
- Сохранить в три места.
- В три?
- После Карасса я верю только в то, что лежит в нескольких местах и мешает сразу всем.
- Ария, отойди от канала.
- Я не в канале.
- Ты рядом с ним.
- Там дети.
- Я вижу.
- Нет. Ты видишь поток эвакуации. А я слышу, как они считают воздух.

Он повернулся к ней.

— Именно поэтому отойди.

Она хотела ответить, но вдруг побледнела. Датчик на её запястье вспыхнул жёлтым.

Медик подняла голову с нижнего канала.

— У неё резонанс.

Дариус шагнул к Арии, но в этот момент архивный буй проснулся.

Потом голос произнёс:

— Голос не принадлежит победителям.

Фраза прошла через корабль. Не громко и не торжественно.

Ардинские аппараты остановились. Люмирские корабли тоже не стреляли. Даже вейранский дрон у буя на миг потерял ход.

Буй повторил:

— Голос не принадлежит победителям.

Ария сделала шаг к экрану.

— Это не капитан.

Дариус схватил её за плечо.

— Не входи.

— Я не...

Её голос оборвался. Она уже была не до конца в рубке.

Датчик на запястье стал красным. Медик бросилась к ней. Дариус удержал Арию, когда она начала падать, но её глаза оставались открытыми. Она смотрела не на него.

— Третий отсек... — прошептала она. — Не открывайте...

— Гарв, уходите с борта, — сказал Дариус.

— Если уйду сейчас, меня развернёт в ваш рукав.

— Это приказ.

— Я гражданский капитан. Ваш приказ звучит солидно, но юридически хромает.

Инженер «Рубежного» тихо сказал:

— Он прав. Если он не удержит разворот, рукав порвёт.

Дариус смотрел на расчёт. Гарв выигрывал им время ценой собственной жизни. Тактика ненавидит такие моменты. Они портят чистоту схем.

— Капитан, у вас есть тридцать секунд.

— Тогда хватит разговоров.

На экране Гарв повернулся к своему помощнику, совсем молодому парню.

— Беги.

— Капитан...

— Беги, пока я добрый.

Помощник ушёл в рукав. Гарв остался.

Ария в руках Дариуса вдруг закричала.

— Он не должен оставаться.

— Кто? — спросил Дариус.

— Пилот. Нет, капитан. Он держит разворот. Он знает, что не выйдет.

— Медик!

— Блок готов.

— Делайте.

Медик приложила иньектор к шее Арии. Та резко схватила Дариуса за рукав.

— Не закрывай.

— Ты падаешь.

— Там имя.

— Ария.

— Там имя.

Её глаза наконец нашли его. На секунду она вернулась.

— Дариус, не дай ему стать пустым местом.

Он ненавидел Карасс за эту точность.

— Связь, записать личный канал «Ирхи». Полностью.

— Пишем.

— Капитан Гарв, назовите полное имя.

На экране мужчина удивился.

— Сейчас?

— Да.

Он понял быстрее, чем Дариус ожидал. Усмехнулся, хотя за его спиной уже шёл дым.

— Ной Гарв. Независимая система Лиртан. Капитан малого судна «Ирха». Если запись дойдёт, передайте моей сестре, что я всё-таки не продал корабль, хотя она просила.

Инженер в нижнем канале хрипло сказал:

— Хороший человек. Плохой бизнесмен.

Гарв услышал и рассмеялся. Потом корпус «Ирхи» дёр-

нулся. Ремонтный рукав отстрелился от борта. Все пассажиры были на «Рубежном».

Вейранский дрон, оставшийся у бую, внезапно включил ход.

— Огонь по дрону, — сказал Дариус.

— Рядом с буюм.

— Я вижу. Ионный удар минимальной ширины.

На экране мигнуло предупреждение.

АРХИВНЫЙ КОНТУР ПОВРЕЖДЁН.

Буй заговорил. Теперь в голосе были десятки тембров.

— Голос не принадлежит победителям. Голос не принадлежит тем, кто первым пришёл. Голос не принадлежит тем, кто громче требует.

Ария обмякла. Дариус опустил её на пол, медик была рядом.

— Она переживает последние минуты, — сказала медик.

— Слишком много сразу.

— Закрыть.

— Пытаюсь.

Ария прошептала:

— Не архив... Людей...

— Ария, — сказал он. — Смотри на меня.

Она не слышала.

В рубке никто не сказал ни слова.

Пассажиры «Ирхи» были живы. Капитан — нет.

Дариус поднялся. Ария осталась на полу с медиком и дву-

мя санитарями. Её дыхание выровнялось, но сознание не вернулось.

— Статус Ардина, — сказал он.

Офицер связи ответила тихо:

— Они отступили на край пепельного слоя. Рен просит канал.

— Дать.

Лицо Рена появилось на экране. Оно стало старше за эти минуты.

— Вейранский дрон? — спросил он.

— Подтверждено. Мы записали подпись.

— Передайте.

— Передам через Омбрис. Полный пакет. Без правки.

Рен кивнул.

— Капитан «Ирхи»?

— Погиб. Пассажиры у нас.

Рен закрыл глаза на секунду.

— Ардин не стрелял по «Ирхе».

— Знаю.

— Но это случилось рядом с нами.

— Да.

Рен сказал:

— Я отведу людей от буя. На час. Потом вернусь.

— Не силой.

— Это зависит не только от меня.

— Сделай, чтобы зависело.

Рен усмехнулся без веселья.

— Говоришь как человек, которому собственные люди всегда подчиняются.

— Они хотя бы делают вид.

— Везёт.

Связь оборвалась.

Офицер связи подняла руку.

— Буй передаёт новый пакет. Не общий. Направлен на Арию.

Дариус посмотрел на медиков.

— Она без сознания.

— Пакет всё равно идёт на её голосовой контур.

— Заблокировать.

— Блок не принимает. Он не через обычную Голоссеть.

Медик резко сказала:

— Если пакет войдёт сейчас, она может не проснуться нормально.

Дариус подошёл к панели. В голове всплыло распоряжение Комитета: при самостоятельном входе в Голоссеть остановить любой ценой. Сейчас Ария не входила в Голоссеть. Карасс сам пробивался к ней.

— Можно принять в буфер? — спросил он.

Связь ответила:

— Только если дать системе её подтверждающий контур.

Без него пакет распадётся.

— Что внутри?

— Координаты. И голосовая метка.

Дариус посмотрел на Арию. Её лицо было спокойным. Чужая тишина резала его хуже крика.

— Дайте мне вариант.

Тесса сказала:

— Можно принять координаты на корабельный контур, но без расшифровки. Они будут слепыми.

— Риск?

— Буй может счесть, что Ария отказалась.

— А если через неё?

Медик ответила:

— Риск для памяти.

Варианта без цены не было. Карасс быстро приучал к этому.

— Ты просила не закрывать имена. Я не закрою. Но ты не будешь платить одна.

Он поднялся.

— Принимаем слепой пакет на корабельный контур. Под мою подпись.

Офицер связи замерла.

— Генерал, если пакет повреждён...

— Под мою подпись.

Она кивнула и открыла буфер. Буй передал данные. На экране появилась рваная схема, почти нечитаемая. Координаты шли не к текущему бую.

Тесса проверила дважды.

— У нас нет такой точки.

— У старых карт?

— Тоже нет. Или вырезано.

Офицер связи вывела название, пришедшее вместе с координатами.

РАХЭН.

Дариус смотрел на слово.

Буй передал последнюю строку и замолчал.

РАХЭН ЖДЁТ ГОЛОС, КОТОРЫЙ НЕ КУПИЛИ И НЕ НАЗНАЧИЛИ.

Часть II. Мёртвые каналы

Глава 9. Запретный зов

Лейла Тран вернулась в ретрансляционный док через запасной шлюз, который официально не существовал уже двенадцать лет.

Лейла приложила к замку чужую ремонтную метку. Панель подумала, щёлкнула и открыла проход с таким видом, будто делает это из жалости. За дверью тянулся низкий коридор к старому ретрансляционному узлу. Здесь ловили аварийные зовы, потерянные сигналы и разговоры после боя — всё, от чего потом отказывались ведомства.

После бегства от архивного контроля она успела сменить куртку, сбросить два хвоста и передать Лире Вехн первый фрагмент. Ответа от Лиры пока не было. Это могло значить всё что угодно.

В кармане у Лейлы лежал новый приёмник. Старый аппарат перегрелся, поймал голос Арии и выключился в аварийном коридоре. Лейла почти пожалела его.

Новый аппарат был меньше и холоднее.

— Не корми его грязными частотами, — сказал он.

— Гир, я этим живу.

— Вот поэтому техника у тебя долго не живёт.

— Зато скучать не успеваает.

Гир провёл её до служебного коридора и там остановился.

— Если тебя опять ищет люмирский контролёр, я тебя не видел.

— Ты говорил это в прошлый раз.

— Я тренирую последовательность.

За столом сидела женщина в серой рабочей форме. Волосы собраны на затылке, на руке — браслет омбрисской службы. Лейла знала её по имени: Рава Ней, диспетчер закрытого дока. Рава когда-то работала на официальной сетке Люмира, а потом ушла. Причины никто не знал. В Омбрисе это считалось вежливостью.

Рава не удивилась, увидев Лейлу.

— Ты опоздала на восемь минут.

— Меня задержала государственная забота.

— Забота была вооружена?

— Формально нет. Морально — до зубов.

Рава кивнула на свободное кресло.

— Садись. Карасс сегодня разговорчивый.

— Сколько фрагментов? — спросила Лейла.

— Достаточно, чтобы Омбрис делал вид, что ничего не происходит.

— То есть много.

— Очень много.

Рава открыла первый слой.

— ...не открывайте архив...

Потом канал пропал.

— Это не люмирский блок, — сказала Лейла.

— Я ждала, когда ты заметишь.

— Частный фильтр.

— Да.

— Вейран?

— Вейранский контур, — сказала Рава. — Старый, но рабочий.

Лейла наклонилась ближе.

— Он блокирует сигнал?

— Не весь. Он режет одни фрагменты и пропускает другие.

— По какому принципу?

— Вот это мне и не нравится.

Рава включила второй поток. Там была не фраза, а имя. Только имя, без фамилии и корабля.

— Лаэн...

Шум.

— Лаэн... Третий отсек...

Снова провал.

— «Кассир-Шесть» не стрелял первым. Повторяю, мы не стреляли первыми...

Запись оборвалась на слове «первыми», будто её перерезали ножом.

Лейла почувствовала знакомый холодок расследования. Не мистический, а рабочий. Перед ней была не куча случай-

ных обрывков.

— Фильтр оставляет обвинения, — сказала она. — И убивает объяснения.

Рава подняла на неё глаза.

— Продолжай.

Лейла открыла третий фрагмент.

— Приказ пришёл от люмирского узла...

— Вырезано, — сказала Лейла.

— Да.

— Если слушать так, выходит, что Люмира отдала приказ.

— А если открыть закрытый слой?

Рава запустила ручную дешифровку.

— ...от люмирского узла, но с чужой подписью допуска...

Запись снова закрылась.

Лейла тихо выдохнула.

— Вот это уже другой разговор.

— Его и не выпускают.

Она взяла свой приёмник, подключила его к старой панели и начала собирать копию. Не чистую, не для публикации. Рабочую.

— Сколько людей уже слышали открытый слой? — спросила она.

— Нижние доки, часть независимых кораблей, две ардинские ячейки. Люмира заявляет, что всё это ложный шум.

— А Вейран?

— Вейран предлагает нейтральную экспертизу.

Лейла замерла, потом медленно повернулась к Рава.

— Уже?

— Уже.

— Быстрые мальчики.

— Не только мальчики. Там Мера Дил в технической группе.

— Она умная.

— Поэтому всё хуже.

Рава вывела на экран публичное обращение Консорциума. Солар Иксон говорил спокойно, без лишних украшений. Он предлагал внешнюю проверку фрагментов Карасса, защиту от голосовых мороков и нейтральную методику для всех сторон.

— Смотри, — сказала Рава. — Красиво же.

— Очень. Прямо хочется доверить им свои кошмары на ответственное хранение.

— Ты ему не веришь?

— Я верю, что он сам себе верит. Это опаснее.

Солар на экране произнёс: «Память погибших не должна стать оружием в руках победителей».

Лейла выключила звук.

— Хорошая фраза. Её удобно говорить, когда уже держишь рукоять.

Рава открыла новый поток.

На этот раз в динамике зазвучал детский голос. Лейла убрала громкость, но не выключила.

— Мама сказала, не смотреть в окно. А там свет. Он не как свет. Он будто...

Дальше пошёл удар, и запись захлебнулась шумом.

— Не выпускай это наружу, — сказала она.

Рава кивнула.

— Я не выпускаю детей.

— Кто выпускает?

— Фильтр пропускает короткие детские фрагменты в те каналы, где их услышит Ардин.

Лейла медленно повернулась к экрану.

— Покажи.

Лейла смотрела на карту, и в ней поднималась знакомая злость. Не быстрая. Собранная.

— Потоки разводят по аудиториям, — сказала она. — Каждой стороне дают тот кусок, который заставит её злиться в нужную сторону.

— Да.

— Люмира слышит угрозу со стороны Ардина. Ардин слышит детей и люмирский приказ. Независимые получают имена, которые можно повесить на любую версию.

— А Омбрис получает протоколы о необходимости сохранять спокойствие.

— Бедный Омбрис. Его заставили делать любимое дело.

Рава почти улыбнулась, но улыбка сразу ушла.

— Есть ещё один слой. Я не смогла открыть.

— Почему?

— Он требует голосовой ключ. Не Арии. Другой.

— Чей?

Рава включила файл. На экране появилась строка доступа:

АДМИРАЛЬСКИЙ КОНТУР. ПОДПИСЬ НЕ ОПРЕДЕ-

ЛЕНА.

Лейла наклонилась ближе.

— Это из Карасса?

— Да. Но файл не пришёл полностью. Только оболочка.

Он всплывает рядом с каждым третьим фрагментом, потом тонет.

— Название?

...МИРАЛЬ... ПР...АЗ

Лейла прочитала вслух:

— Адмиральский приказ?

— Похоже.

— Чей приказ?

— Вот ради этого ты здесь.

— Мне нужен доступ к необрезанному потоку, — сказала она.

Рава посмотрела на неё так, будто Лейла предложила открыть шлюз и подышать пустотой.

— Нужен — плохое слово. Лучше скажи: хочу прожить ещё десять минут интересно.

— Рава.

— Не смотри так. Необрезанный поток идёт через старый ретранслятор под доком. Он закрыт после войны.

— Но работает.

— Всё плохое обычно работает.

— Проведи меня.

Рава откинулась в кресле.

— Там нет защиты от голосной раны. Даже у техники проблемы. Один мой датчик после прошлой проверки начал выводить на экран имя моей бывшей начальницы. Я до сих пор не знаю, что меня пугает больше: Карасс или её возвращение в мою жизнь.

— Я пойду одна.

— Это была не просьба о героизме. Это было предупреждение для умного человека.

— Умный человек не полез бы в частотный мусор.

— Справедливо.

Рава открыла нижнюю схему дока. На ней был старый ретрансляторный колодец, спрятанный под охлаждающими магистралями. Лейла запомнила путь. Потом скопировала карту на браслет.

— Если я не вернусь через двадцать минут, — сказала она, — отправь пакет Лире Вехн и Дариусу Харрану.

— А если вернёшься без памяти?

— Спроси, кто был худшим куратором прессы в Люмира.

— И кто?

— Все. Если отвечу иначе, значит, это не я.

Рава протянула ей маленький блок глушения.

— Держи. Он не спасёт от Голоса, но испортит жизнь

обычным перехватчиком.

— Я люблю такие приборы.

— Они тебя нет.

Лейла спустилась в нижний колодец через служебную шахту. Там было жарко. Охлаждающие трубы гудели над головой, пол вибрировал от старых насосов.

Ретранслятор стоял в конце узкого прохода. Большой круглый блок, почти весь покрытый старыми пломбами. Пломбы были люмирские, омбрисские и вейранские. Прекрасная компания.

Лейла подключила приёмник к ручному порту. Экран выдал предупреждение:

НЕЗАВЕРЕННЫЙ ПОТОК. РИСК ПАМЯТНОГО ОТКАТА.

— Спасибо, — сказала она. — Без тебя я думала, что это спа-процедура.

Она включила запись.

На экране вспыхивали имена. Одно за другим. Лейла не стала читать их вслух, чтобы не сорвать дыхание. Она включила сохранение.

Мужской голос:

— Борт «Селлар-Восемь». Не верьте приказу с верхнего канала. Подпись не наша.

Женский голос:

— Ардинский проводник вошёл по ложной трассе. Нас навели на пустой архив.

Другой голос, старше:

— Синенский груз не должен был идти через гражданский контур. Старший протокол ошибся. Повторяю: ошибся.

Она поставила метку.

Поток дёрнулся. В него вошёл детский плач, потом резкий приказ:

— Закрывать третий шлюз. Архив не открывать.

Лейла сжала зубы. Не выключила.

В следующем слое звучал человек из Ардина. Голос срывался от гнева:

— Нам дали координаты. Там должен был быть военный узел. Там были дети.

Лейла поставила вторую метку.

Ещё слой:

— Люмирский комитет требует тишины до стабилизации рынков. Слово «рынки» убрать из финального протокола.

Лейла почти рассмеялась, но смех застрял. Даже в конце мира кто-то правил формулировки. Нет, не «кто-то».

Поток изменился. На экране появилась вейранская рамка. Та самая. Она не резала запись. Она поднимала одни фрагменты выше других.

— Вот ты какой, нейтральный стандарт, — прошептала Лейла.

Приёмник резко нагрелся. Экран мигнул красным. Много данных. Она подключила второй буфер и скинула туда карту маршрутов. Если выбирать между голосами и схемой филь-

тра, нужно сохранить оба.

В наушнике щёлкнул голос Рава:

— У тебя перегруз. Выходи.

— Ещё минуту.

— Это фраза людей, которых потом вытаскивают за ноги.

— Я не влезла целиком.

— Пока.

— Адмиральский приказ вступает в силу после подтверждения закрытия Рахэна.

Рахэн.

Она пошла на риск и запустила взлом через омбрисский технический протокол. Не для открытия, а для чтения заголовка. Экран сначала погас. Потом выдал одну строку:

АДМИРАЛЬСКИЙ ПРИКАЗ. ПЕРВИЧНЫЙ ИСТОЧНИК. ДОСТУП ЧЕРЕЗ ПОДПИСЬ КОМАНДОВАНИЯ УЗЛОВОГО ФЛОТА.

— Рава, ты это видишь?

— Вижу. И мне не нравится, что я это вижу.

— Подпись командования узлового флота. Сейчас это Сайра Рут.

— А во время войны?

— Вот это надо узнать.

Ретранслятор вдруг загудел ниже. Пломбы на корпусе начали светиться. Не все. Только вейранские. Они активировались не как защита, а как сторожевой сигнал.

Рава сказала:

— Лейла, уходи. Твой запрос заметили.

— Кто принял?

— Частный канал. Вейранский.

— Сколько у меня?

— Если повезёт, две минуты. Если нет, они уже у двери.

Лейла выдернула кабель, но приёмник не отпустил поток.

Экран продолжал писать. В поток лезли новые фразы: детские голоса, номера кораблей, признания и обрезанные приказы. Она не могла сохранить всё. Никто не мог.

Она запустила аварийное сжатие. Приёмник заскрежетал, как обиженный зверёк.

— Давай, — сказала Лейла. — Ты новый, но уже в семье.

Сжатие дошло до восьмидесяти процентов и зависло.

Шаги слышались в конце прохода.

Не люмирские. У люмирской охраны другой ритм. Эти двигались быстрее и увереннее, без официальной вежливости. Частная служба. Вейран не стал ждать юридической части.

Лейла ударила по корпусу приёмника ладонью. Сжатие прыгнуло до ста процентов. Она вырвала блок памяти, сунула его в браслет и включила глушитель Равы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.